

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Часть 11. СТИХИ И ПЕСНИ.

ЮРИЙ ВИЗБОР

Составитель МУЧНИК ЭТЯ БОРИСОВНА

Юрий Визбор родился 20 июня 1934 в Москве. В 1937 отец Юрия был репрессирован (в 1958 он был посмертно реабилитирован). В 1941 семья переезжает на Сретенку, с образом которой впоследствии связаны многие мотивы в творчестве Визбора-барда. С девятого класса Визбор начал ходить в аэроклуб, где отучился два года и летал на По-2 и Як-18. Визбор окончил московскую среднюю школу № 659 и поступил в Московский государственный педагогический институт. В октябре 1955 был призван в ряды Советской Армии. Сочинял стихи и песни на армейские темы, публиковал их в окружной военной газете. В октябре 1957 демобилизовался и начал работать журналистом.. В 1958 Визбор женится на А. Якушевой, у них рождается дочь Татьяна. Визбор — путешественник и альпинист.

Одним из увлечений Визбора всю жизнь были путешествия и горные походы. Поэт занимался альпинизмом, участвовал в экспедициях на Кавказ, Памир и Тянь-Шань, был инструктором по горнолыжному спорту. За 33 года написано более 300 песен и более пятидесяти песен на его стихи положено на музыку другими композиторами. С апреля тяжело болен раком печени. 17 сентября 1984 Визбор скончался в Москве.

Над рекой рассвет встает, 1951 г.

Над рекой рассвет встает,
Гаснет звездный хоровод,
И восходит над страной утра вестник.
Наш туристский лагерь встал,
Боевой звучит сигнал,
И, чеканя шаг, несется песня:

Пусть дождь нас ожидает на пути,
Пусть немало предстоит еще пройти,
День встает лучистый,
Снова в путь, туристы!
Пусть нам грозят морозы и снега,
Пусть яростно палатку рвет пурга,
Но песня нас зовет
Вперед!

Пусть дорога вдаль пылит,
Знает дело замполит,
И туристский лагерь дружен с песней звонкой.
Переправу наведем,
Где олень прошел, пройдем,
Ветру дружбы мы поем вдогонку:

Пусть дождь нас ожидает на пути,
Пусть немало предстоит еще пройти,
День встает лучистый,
Снова в путь, туристы!
Пусть нам грозят морозы и снега,
Пусть яростно палатку рвет пурга,
Но песня нас зовет
Вперед!

Наши реки широки,
Наши горы высоки,
И спокоен взгляд советского солдата.
Мы за мир, но если вновь
Враг пролить захочет кровь,
Наш туристский штык блеснет булатом!

БИВУАК, 1952 г.

БИВУАК

Бивуак наш, словно Сочи:
Лапник греет, но не очень.
Залегли мы все в палатках,
Спится нам не очень сладко.

Снег глубокий - по колено.
Не горит в костре полено.
Парамоновы отроги
Будут помнить педагоги.

Все три группы приходили,
На костер, как волки, выли.
"Ну и дикая ночевка", -
Буркнул сам Маландин Вовка!

"Что притихли?" - крикнул Боря.
А носы у всех, как море.
Оторвалась тут подметка.
Холод - это, брат, не тетка!

Звезды светят, но не греют.
У костра туристы блеют.
Но шумят густые ели:
До чего ж вы надоели!

Наши шутки стали бедны,
Наши лица стали бледны.
Всю мы ноченьку не спали:
Всё природу побеждали.

А когда природа пала,
Нас осталось очень мало,
И, надев большие пимы,

До "Туриста" добрали мы.

Где небо состоит из тьмы и снега, 1952 г.

Где небо состоит из тьмы и снега
И не приходит радостью для глаз,
Я вспоминаю острый скальный гребень,
Нахарский лес, вечерний Учкулан.

Бушующую пену Гондарая.
Лазурь Бадук. Глухой Кичкинекол.
Рассветы Теберды. Девчонку Раю.
Вершин далеких снежный частокол.

Забывтый кош в туманной Гвандре где-то,
На ледниках - пустые диски мин.
Большую Марку в золоте рассвета.

Большую дружбу сорока восьми.

Лишь утром снега берегут, 1952 г.

Лишь утром снега берегут
Остатки ночной тишины.
Стоял альпинист на снегу
У скал красноватой стены.

И кончив вязать на себе
Веревку, ведущую к другу,
Пожал он багровой Ушбе

Холодную скальную руку.

МАДАГАСКАР, 1952 г

Чутко горы спят,
Южный Крест залез на небо,
Спустились вниз в долину облака.
Осторожней, друг, -
Ведь никто из нас здесь не был,
В таинственной стране Мадагаскар.

Может стать, что смерть
Ты найдешь за океаном,
Но все же ты от смерти не беги.
Осторожней, друг, -
Даль подернулась туманом,
Сними с плеча свой верный карабин.

Ночью труден путь,
На востоке воздух серый,
Но вскоре солнце встанет из-за скал.
Осторожней, друг, -
Тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.

Южный Крест погас
В золотом рассветном небе,
Поднялись из долины облака.
Осторожней, друг, -
Ведь никто из нас здесь не был,
В таинственной стране Мадагаскар.

ПУТЕВАЯ, 1952 г.

Семафор нам блеснул, как зарница.
Свет зеленый зовет нас вперед.
До свиданья, родная столица,
Мы уходим в далекий поход.
А за окнами ели мелькают,
Поезд мерно на стыках стучит,
И, вагонную тишь разрывая,
Наша звонкая песня звучит:

Нас встречают везде, как знакомых,
Нам готовы и стол, и скамья,
И далеко от милого дома
Принимает родная семья.
По снегам голубым и искристым,
Мы по белым дорогам пройдем
И, закончив поход этот в Истре,
Мы друзьям эту песню споем.

Подтянувши получше крепленья,
Мы выходим, кончается день.
И мелькают уже в отдаленье
Огоньки небольших деревень.
Пусть дороги заносит нам снегом,
Пусть далеко тепло и постель,
Отдыхая от быстрого бега,
Мы поем сквозь пургу и метель:

Когда звезды горят в небосводе,
Мы подснежники рвем у межи
И бессонные ночи проводим,
Чтоб проблеме вставанья решить.
И хоть мы не туризма доценты
И на лыжах несмело идем,
И хоть мало мужчин стопроцентных,
Мы уверенно песню поем:

Друг-турист, не забудь,
Уходя в дальний путь
И лыжню пролагая в снегах, -
Если время придет,
То в опасный поход

Ты вот так же пойдешь на врага!

ТЕБЕРДА, 1952 г.

Теберда, Теберда, голубая вода,
Серебристый напев над водой.
Теберда, Теберда, я хотел бы всегда
Жить в горах над твоею волной.

Серебрей серебра там бурунная рать
По ущелью бурлит не смолкая,
Там в туманной дали бастионом стоит
Синеватая Белалакая.

Теберда, Теберда, голубая вода,
Нет красивей твоих тополей.
Я б остался всегда коротать здесь года,
Если б не было русских полей.

Я б остался, поверь, если б как-то в метель
Я б одну не довел бы домой.
Теберда, Теберда, голубая вода,

Серебристый напев над водой.

ГИМН МГПИ, 1953 г.

(Стихи совместно с Юрием Ряшенцевым)

Мирно засыпает родная страна,
И в московском небе золотая луна.
Ночью над Союзом и над нашим вузом
Медленно слетает тишина.
Пусть нам издалёка зачеты грозят,
Думать каждый час об этом все же нельзя.
С песней кончил день ты,
Мы с тобой студенты -
Это значит, мы с тобой друзья.

Много впереди путей-дорог,
И уходит поезд на восток.
Светлые года
Будем мы всегда
Вспоминать.
Много впереди хороших встреч,

Но мы будем помнить и беречь
Новогодний зал,
Милые глаза,
Институт.

Институт подпишет последний приказ:
Дали Забайкалья, Сахалин или Кавказ.
В мае или в марте
Взглянешь ты на карту,
Вспомнишь ты друзей, а значит, нас.
Но пока не кончен студенческий год,
Ждет нас не один еще серьезный зачет.
С песней кончил день ты, -
Так поют студенты, -

Это значит, молодость поет.

КАРАКАЯ, 1953 г.

Камень чуть качнулся вперед
И ринулся вниз, к реке.
Двадцать один непутевый год
Повис на правой руке.

Только удара черная плеть
Да пустота позади,
Только пальцы на рыжей скале
И цифра - двадцать один.

...Я долго курил над пропастью снежной,
Теперь я не мог не понять:
Ночь, любимая спит безмятежно,

Но втихомолку молится мать!

ПАРЕНЬ ИЗ КЕНТУККИ 11 февраля 1953

Этот летчик был мальчишка
Из далекого Кентукки.
Дул в бейсбол, зевал над книжкой,
Продавал бананов штуки.
Что б ни делал он на свете,
Песню пел, что всем знакома:
"О как ярко солнце светит
У меня в Кентукки дома!"

Мир для парня очень прост -
В мире сорок восемь звезд,
Где прикажут - там воюй,
А помрешь - так не горюй.
И разносит песню ветер
По всему аэродрому:
"О как ярко солнце светит
У меня в Кентукки дома!"

Автомат приник к стене -
Пить полезно на войне.
Нынче вылетов не жди -
Пятый день идут дожди.
Он с утра лежит в кювете,
Мечет молнии и громы:
"О как ярко солнце светит
У меня в Кентукки дома!"

Под крылом страна чужая,
Бомбы землю разрывают.
Хмур радист, хандрит пилот, -
Что вы, парни, за народ?
Ничего, что день невесел,
Мы вернемся, выпьем рома.
О как ярко солнце светит
У меня в Кентукки дома!

Но однажды утром рано
Он был сбит в бою тараном,
И он бредит на рассвете,
Превратившись в груды лома:
"О как ярко солнце светит
У меня в Кентукки дома!"

ПРОЩАЛЬНАЯ 1953

В облаках стоят вершины,
Грозные в снегу.
По ущельям и долинам
Ручейки бегут.
Хорошо нам петь с тобою
В предвечерний час.
Уезжаем, уезжаем,
До свиданья, наш Кавказ!

Далеко от института,
Где шумит прибой,
Мы окончили маршруты
И спешим домой.
Но сегодня нам взгрустнулось
В предвечерний час.
Мы уходим, мы уходим,
До свиданья, наш Кавказ!

Отшумят зимы метели,
Вьюги отшумят,
И весенние капли
Снова зазвенят.
На московские просторы
Ляжет свет луча
И потянет снова в горы
Этих парней и девчат

В путь далекий по перевалам,
В путь далекий к снегам,
В путь далекий по диким скалам
И по солнечным горам.
До свиданья, родные горы,
До свиданья, наш Кавказ!
Уезжаем, но к тебе вернемся скоро,
И вернемся не раз!

СТАРЫЕ ЕЛИ Ноябрь 1953

Полночь в зените,
Лунные нити
На снегу.

Прошлой весною
Были с тобою -
Той весны забыть не могу.

Старые ели
Чуть поседали.
Снегом пушистым лед замело.
В небе морозном
Ясные звезды,
И от месяца так светло.

Помню все встречи,
Каждый наш вечер
Наизусть.
В роще весенней,
В чаще сирени
Ты шепнула мне: "Не вернусь!"

Все же я знаю -
Будем, родная,
Мы вдвоем.
Новой весною
Вместе с тобою
Эту песню мы пропоем.

ЧЕРНАЯ ВЕРШИНА МЕРЗЛОЙ ЕЛИ, 1953 г.

Черная вершина мерзлой ели
Над вечерней синевой лугов.
Свернуты декабрьские метели
В серые перины облаков.

Вот плетень, скосившийся убого,
Огонек, - как видно, от костра.
Санная скрипучая дорога
Не спеша спускается с бугра.

На бугре в снегу стоят осины...
Родина! Ты слышишь ли меня?
Выплывает вечер темно-синий
Из небес старинного литья.

ВЬЕТСЯ РЕЧКА СИНЕЙ ЛЕНТОЙ, 1954 г.

Вьется речка синей лентой,
Над Москвой рассвет встает...
Что сегодня мы - студенты,
Пусть узнает целый свет.

Нас сюда вели дороги
Изо всех концов страны,
Ведь не даром педагоги
Дружбой верною сильны.

Но настанет расставанье,
Годы быстро промелькнут,
И уйдут в воспоминанье
Пироговка, институт.

Над Москвою солнце всходит,
Золотит наш старый дом...
Пусть любой у нас находит
То, что счастьем мы зовем.

И кого печаль тревожит
Или, скажем, много бед,
Приходите - вам поможет
Наш веселый факультет.

Пусть нам в странствиях нелегких
Вечно светят, как маяк,
Институт на Пироговке,
Наша молодость, друзья.

ЖИТЬ БЫ МНЕ, ТОВАРИЩИ, 1954 г.

Жить бы мне, товарищи, возле Мелитополя,
Слушать песни девичьи да траву косить,
Встретить бы мне девушку над рекой у тополя,
Встретить, да такую, чтобы не забыть.

Но живу я в том краю, там, где дни короткие,
В области Архангельской с детства рыбаком.
Северные девушки с гордою походкою
Вдоль по нашей улице ходят вечерком.

И однажды девушку я увидел во поле:
Белая косыночка, русая коса.
Может быть, товарищи, и не надо тополя,
Коль растет над озером елочка-краса.

СЛЕЗА, 1954 г.

Исходная песня - народная:

А, стало быть, скатилась слеза.
А, стало быть, на горячий, на песок.
А, стало быть, лежала та слеза.
А, стало быть, пока дворник не пришел.

А дворник, стало быть, в новенькой рубашке.
А дворник, стало быть, с новенькой метлой.
А дворник, стало быть, песни распевает,
А дворник, стало быть, и подмел слезу.

Городской комсомольский поэт-лирик:
"Слеза молодежная"

Пускай слеза скатилась, пускай.
Мы едем, едем, едем на Алтай.
Мы едем, едем сеять и пахать.
Нам время строить, а слезе лежать.

Рубахи новой дворник не жалея,
Прощальную тоску метлой развей.
Слезу на сто процентов подмети, -
У нас с тобой широкие пути.

До свиданья, бабушка,
Не горюй и не грусти,
Перед тобой широкие пути.

Деревенский поэт-лирик:
"Слеза колхозная"

Скатилась укрупненная слеза

В колхозный переполненный амбар.
Твои, твои лучистые глаза
Для комбайнера ярче всяких фар.

Мою любовь в округе каждый знает,
Звезда на новой кофточке у ей.
Девчата где-то песни распевают,
Имеют, стал-быть, много трудодней.

КАРЕЛЬСКИЙ ВАЛЬС, 1954 г.

Кончен день морозный,
Свет зари погас.
За соседним озером
Ждет ночевка нас.

Не грусти дорогою,
Что далек твой дом,
Ты узнаешь многое
На пути своем.

Дружбе настоящей,
Верности без слов
Нас научат чащи
Северных лесов.

Встанем утром рано мы
И уйдем на юг.
Заметет буранами
Белую лыжню.

Дали карельских озер
Будут нам часто сниться,
Юности нашей простор
В далях этих озер.

КИЧКИНЕКОЛ, 1954 г.

Над вершиной тонкой ели
Небо стиснули хребты.
Здесь суровые метели,
Здесь волшебные цветы.

Здесь рассматривают скалы
Отдаленные края.
Перевалы, перевалы,
Горы - молодость моя!

На любой дороге дальней,
Как бы ни был путь тяжел,
Вспоминал я этот скальный
Перевал Кичкинекол.
Разделяя две долины,
Окунувшись в высоте,
Он лежал у ног вершины,
Примостившись на хребте.

Я бы век не знал покоя,
Обошел бы полстраны,
Чтоб дотронуться рукою
До его голубизны.
Пусть мне в странствиях грядущих
Вечно светят как маяк
Перевалы, скалы, кручи,
Горы - молодость моя!

ПО УЩЕЛЬЮ ТРОПКА ВЬЕТСЯ, 1954 г.

По ущелью тропка вьется,
Бушует горная река,
И, как в песенке поется,
Твоя дорога далека.

А впереди снега и льды
Лежат на перевалах,
А впереди конец пути
И море блещет в скалах.

И, конечно, над снегами
Ты вспомнишь о Москве не раз,
А увидишь под ногами
Свою страну, родной Кавказ.

Но ты не стой, ты песню пой,
А в песне той поется:
По ущелью тропка вьется
Далеко.

СНОВА В ТУРГРАДЕ, 1954 г

Городок за озером вдали,
И леса торжественно стоят.
Хорошо, что снова мы пришли
В знаменитый песнями Турград.

И не только песнями, друзья!
До сих пор забыть я не могу,
Как трудилась дружная семья
Вот на этом самом берегу.

И опять знакомый уголок.
Над лесной поляной реет флаг.
Где б еще тебя я встретить мог,
Мой товарищ, ленинец, земляк?

Но, конечно, это не конец
Нашей дружбе, крепкой с давних пор.
Эй, дружок, подкинь еще дровец!
Разгорайся ярче, наш костер!

Всю бы жизнь я здесь прожить готов,
Чтобы вечно были мне видны
Синева задумчивых лесов,
Голубой простор моей страны.

ТИХИЙ ВЕЧЕР СПУСТИЛСЯ НАД КАМОЮ, 1954 г.

Тихий вечер спустился над Камою,
Над тайгой разметался закат.
Ты сегодня с надеждой упрямою
Ждешь письма от московских ребят.

Вечера ожиданием отмечены,
Писем тоже дожждаться нельзя.
Мимолетной случайною встречею
Не порадуют даже друзья.

И когда с голубою порошею
Унесется надежды тепло,
Постучится прохожий непрошенный
В занесенное снегом стекло.

Может, ты прослезишься нечаянно,
Провожая его поутру,
И разлукою вновь опечалена,
Ты не стой, ты не плачь на ветру.

И о встрече теперь не загадывай,
Когда вьюга над крышей шумит:
Самый верный и самый догадливый
Вновь в окошко твое постучит.

Ты обычно стоишь в стороне, 1954 г.

Ты обычно стоишь в стороне
И огни твои черные светятся.
По твоей персональной вине
Нам нельзя после лекции встретиться.

Я стоял, я смотрел, я глядел.
Ты стояла, смотрела, глядела.
У меня было множество дел,
У тебя вовсе не было дела.

Бросил я курсовую писать,
Не пошел я на три заседания...
Если хочешь - могу показать
Протокол курсового собрания.

Про меня уже все говорят,
Что тринадцать часов опоздания.
Ты учти, что уже деканат
На меня обращает внимание.

Значит, надо к декану придти,
Обо всем самому позаботиться:
А не то разойдутся пути -
Институт улетит, не воротится.

Я НИСКОЛЬКО НЕ ПЕЧАЛЮСЬ, 1954 г.

Я нисколько не печалюсь,
Не тревожусь ни о ком.
У ларька Союзпечати
Мы встречались вечерком.
Он носил стального цвета
Макинтош через плечо...
Говорят, что все поэты
Любят очень горячо.

Летом были мы в походе.
Как-то раз, поев обед,
Он сказал мне, что приходит
К голове его сюжет.
Обещал он мне к рассвету
Написать один стишок...
Говорят, что все поэты
Пишут очень хорошо.

Но не верьте впредь поэтам:
На обман они легки.
Этой ночью до рассвета
Он сушил свои носки.
И обиды нет при этом,
Просто стало веселей.
Говорят, что часть поэтов
Просто ходит по земле.

ВЕРБОВАННЫЕ, 1955 г.

Крик паровоза ушел в леса.
Поезд продолжил рейс.
Двести четыре стальных колеса
Стукнули в стыки рельс.

И каждый вагон отрабатывал такт:
Москва-Воркута, Москва-Воркута.

Вагонные стекла свет лили,
Но в каждом вагоне люди пошлили.
Пехотный майор приставал к проводнице,

Майорша брюзжала, что здесь ей не спится.

Три парня, конечно, мечтали напиться,
А пышная дама - о жизни в столице.
И все это ело, дышало, несло,
И всем надоело, и всем не спалось.

И каждый вагон отрабатывал такт:
Москва-Воркута, Москва-Воркута.

А в том бесплацкартном всеобщем вагоне
Лишь в тамбуре можно укрыться от вони.
И в тамбуре стынут сердитые лица,
И всем не сидится, не ждется, не спится -

Когда же окончится их маята?
Москва-Воркута...

Но в каждой душе, размещенной на полке,
Надежда была, про себя, втихомолку:
Что где-нибудь здесь вот, на этой дороге
Есть, кроме разлуки, зимы и тревоги,

Нехитрое счастье. Простая мечта.
Москва-Воркута...

За дальними соснами кончился день.
Наш поезд везет разных людей:
Кому-то потеха, кому-то слеза,
Кому еще ехать, а мне вот - слезать.

А мне вот сегодняшней ночью решать,
Каким будет путь и каков будет шаг,
Какая звезда там взошла вдалеке
И что за синица зажата в руке.

И стоит ли мне из-за этой синицы
Бежать в распрекрасные двери столицы?
Иль лучше шагнуть мне в пустые леса,
Чтоб эту звезду раздобыть в небесах?

Но нет мне ответа. Молчит темнота.
Грохочет дорога Москва-Воркута.

ДОЖДИК ОПЯТЬ МОРОСИТ С УТРА, 1955 г.

Дождик опять моросит с утра,
Слабо горит восток.
Путь наш лежит по глухим горам,
Где не бывал никто.
Где-то вдали, где-то вдали
Горный шумит поток.

Хмурый туман над долиной встал,
Дымно костры горят.
Желтый листок на тетрадь упал -
Пятое октября.
Где-то вдали, где-то вдали
Есть за дождем заря.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, 1955 г.

Ветер влетает на площадь,
В елях седых шелестя.
Флаги республик полощет
Тридцать восьмой октябрь.

Взявши равнение на славу
Стягов сверкает рать.
Кто там шагает правой?
Левой надо шагать!

Плечи расправив гордо,
К заводу другой завод -
Гордость нашего города
Площадью Красной идет.

Грохотом, гулом оваций
Вспенен трибунный ряд.
Люди далеких наций
За руки взявшись стоят.

Вихрем летят аккорды.
Вот она слава! Вот!
Слава нашего города
Площадью Красной идет.

Славные будни державы
Не уставай воспевать.
Кто там шагает правой?
Левой надо шагать!

Ночь. За дальним перевалом, 1955 г.

Ночь. За дальним перевалом
Встал кровавым глазом Марс,
И с тревогой смотрят скалы
В тишину ледовых масс.

Ночь. Запрятав в камни воды,
Притаившись, тек поток.
И боялся до восхода
Приоткрыть глаза восток.

Гулко грохнули громады,
Закачался перевал,
Застучали камнепады
По обломкам мокрых скал.

Из-за гребня, дико воя,
Понеслись снега в налет.
И казалось, все живое
Этой глыбою снесет.

В эту ночь под перевалом
На морене Джаловчат
Восемь парней ночевало
И одиннадцать девчат.

Утром серые туманы
Вновь полезли узнавать,
Где мы там, в палатках рваных,
Живы, что ли, мы опять?

Мелкий дождик пискнул тонко,
И туман разинул рот:
Деловитая девчонка
Открывала банку шпрот.

ПЕСНЯ ЛЕСОРУБОВ, 1955 г.

Нас поезд далекий привез
Из теплого нашего края.
Трещал над лесами мороз,
И вьюга свистела шальная.

Немало тяжелых потов
Стекло на промерзшую робу,
Немало сосновых стволов
Легло в голубые сугробы.

Окончился праведный труд,
Окончились наши тревоги,
И в домиках люди живут
На сделанной нами дороге.

Сегодня в дождливую ночь
На Север мы вновь уезжаем.
Простит нас жена или дочь,
И встретит дорога чужая.

Наверно мы ввек не забудем
Рассветы в седых небесах.
Идут лесорубы в леса -
Дорогу рабочим людям!

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ, 1955 г.

Спросил я однажды соседа про счастье, -
Он был, по признанию всех, не дурак.
Долго решал он проблему счастья,
И вывод он свой сформулировал так:
Об этом счастье, бездумном счастье,
Много думаем и поем.
С этим счастьем одно несчастье, -
Мы, конечно, его не найдем.

Спросил я тогда аспиранта про счастье, -
Он был, по признанию всех, не дурак.
Месяц решал он проблему счастья,
И вывод он свой сформулировал так:
Об этом счастье, бездумном счастье

Много думаем и поем.
С этим счастьем одно несчастье, -
Мы в науке его не найдем.

Спросил я тогда девчонку про счастье,
Вопрос для девчонки был просто пустяк.
"Ну что тебе спеть про это, про счастье?"
И мне она спела примерно так:
"Что в этом счастье? Какой в нем прок?
Не надо много думать о нем.
Я знаю, - оно по дороге в метро.
Я оделась уже - пойдем?"

Прощай, Москва, созвездие дорог!, 1955 г.

Прощай, Москва, созвездие дорог!
Пусть осень встретит нас весенним громом.
Вагон, который едет на восток,
На время станет нашим общим домом.

Прощай, Москва! За дальними лесами
В бездонной синеве иной земли
Лежат пути, не пройденные нами,
Лежат и ждут, чтоб их, мой друг, прошли.

Рекламы погасли уже, 1955 г.

Рекламы погасли уже,
И площадь большая нема,
А где-то вверху, на седьмом этаже
Качает сынишку мать.

О сколько долгих ночей
С тобой мы проведем...

Отец твой далёко-далёко...
Пускай тебе, сын мой, приснится:
Амурские сопки и берег высокий -
Недремлющая граница.

Такою же ночью, Алеша,
Бродили мы с ним допоздна...
Не слушай меня, засыпай, мой хороший,
Придет и твоя пора.

СЛУЧАЙ НА УЧЕНИЯХ, 1955 г.

Приказ короток, но нелегко путь.
Мы тянем связь по балкам и пригоркам,
И время не дает нам отдохнуть,
Достать кисет и закурить махорку.
Под вечер по едва заметной тропке
К опушке леса вышел наш отряд.
Уже темнело. За далекой сопкой
Горел багровый северный закат.
Оттуда ветер леденящий дул,
Там угасали снежные вершины...
Послышался вдруг всхлип: - Я не пойду,
Я больше не могу, я не машина!
Зачем все это, теперь ведь не война?
И нет уж сил ложиться в снег.
Я не могу, товарищ старшина,
Не за себя я говорю - за всех.
...У каждого - и груз, и автомат,
У каждого в ногах тяжелый гуд.
И нам казалось: покраснел закат
За этого, сидящего в снегу.
И нам казалось: сделай он хоть шаг,
Хоть шаг назад - нам гнева не сдержать.
Но старшина ответил не спеша:
- Приказ получен - надо выполнять!
Глубокой ночью, выполнив приказ,
Мы возвратились в батальон родной.
Шатало ветром каждого из нас
И пробирало стужей ледяной.
А мы гадали: что получит тот,
Который молча курит в стороне?
Наряд, арест иль общий наш бойкот?
И взгляды обращались к старшине.
Кругом была такая тишина...
В глазах у всех - один немой вопрос.
И больше всех уставший старшина
Построил нас и тихо произнес:
- Сегодняшним поступком вы, Кравцов,
Могли сорвать серьезное задание.
Я знаю - отношение бойцов
Послужит вам суровым наказаньем.
Мы все служить не можем не учась, -
Ведь каждый наш поход - упорный бой,
Бой с непогодой, за прямую связь,

Бой за выносливость с - самим собой.
Мы учимся, чтоб побеждать и жить!
Надеюсь, ясно, что вам говорят?
Катушки и всё прочее сложить
И не шуметь в казарме... Люди спят.

СТУК КОЛЕС ДРОБНЕЕ, ПОЕЗД ДАЛЬШЕ МЧИТСЯ, 1955 г.

Стук колес дробнее, поезд дальше мчится,
В мареве рассвета растаяла Москва.
Мы сегодня едем учить, а не учиться,
Это к нам относятся слова:

Прощайте, дорогие друзья!
О вас забывать нам нельзя, -
Быть может, мы и встретимся когда-нибудь,
А пока вам - счастливый путь,
Дорогие друзья!

Где-нибудь в Сибири, в дальней деревушке,
Будет жить учитель из города Москвы.
По ночам мигает огонек в избушке
И доносит ветер запахи травы.

И взмахнет старушка ласково рукою,
Набегут на сердце хорошие слова.
До свиданья, милый город над рекою,
Пожелай нам счастья, Москва.

Ю. КИМУ, 1955 г.

Говорим: поэт. Представляете - Пушкин.
Великий такой. Немного курчавый.
В Михайловской роще стоит на опушке
И смотрит вдаль величаво.
Правильно. Был товарищ такой.
Девятнадцатый век. Начало.
И все поэты вокруг него -
Как лодочки у причала.
Был Маяковский. Так. Хорошо.
Асеев - тоже неплохо.
Тихонов. Уткин. Межиров пришел.
Стоп, стоп! Тут другая эпоха.
Когда отсвистели гражданские пули,

Прошляпили знатоки:
У нас в Союзе родился Юлий,
Не Цезарь - а все же Ким.
Сейчас девятнадцатая весна
Греет ему глаза.
Сидит молодой поэт у окна
И видит такой пейзаж:
Косой забор. Дальше - лужи.
Еще подальше - завод.
Весна, разумеется. Время под ужин.
Наш пятьдесят пятый год.
И вот, услаждая поэта взор,
Пишет его рука:
"Весна набрела на косой забор,
Пробравшись по ручейкам.
Стекает вода с забора того,
Журчит, не умолкает..."
Да слушай, поэт, душа с нее вон,-
Да пусть себе стекает!
А вот завхозу мало забот,
Что вор запчасти уносит.
И очень плохо, что тот забор
Стоит не прямо, а косо.
И очень плохо, что, обожая розы,
Афоризмы, и философские разговоры,
Мы не хотим помочь ста завхозам
Починить сотню заборов.
Стишок писануть в дневничок Наташе
Может каждый, извиняюсь, дурак.
А в настоящей работе не скажешь:
Я маленький, - чур-чура!
Рабочий работает. Повар варит.
Кондуктор рвет билет.
А чем занимаетесь вы, товарищ?
- А я...я поэт!
Старо, дорогой. И тема стара.
Никакие мы не певцы.
Хочу, чтоб поэт выдавал на-гора
Гигантской работы слова-образцы.
Чтоб приходили к его словам,
Как за советом в обком.
За это борюсь. И предлагаю вам
Бороться.
Делом.
Стихом.

ВОТ Я СНОВА ГОТОВ ИДТИ, 1956 г.

Вот я снова готов идти
По ревущему, как прибой,
По немереному пути
До тебя и до встреч с тобой.

Вон уходит в море звезда,
Переделанная в строку,
Вот дымятся сзади года,
Переплавленные в тоску.

Солнце, вскинув рассветный луч,
Землю вновь идет открывать,
Обещая в морях разлук
Возвращений и встреч острова.

Но уж видно, как ни верти,
Что за этим рассветом алым
Есть конец одного пути
И другого пути начало.

Так ликуй на острой воде
Ночи близкое поражение!
Здравствуй, день, синеглазый день!
Мой поклон твоему рождению.

Дожди оставили следы, 1956 г.

Дожди оставили следы:
Кадушки, полные воды,
Песок размытый во дворе,
Промокший столб на пустыре.
И, вылив порцию свою
На нас, дожди ушли на юг.
К тебе дожди ушли скорей,
Где нет морозов в сентябре,
Где в октябре еще цветы,
Где без меня не мерзнешь ты.
Дожди оставили следы,
Но к низу каменной гряды
В конце концов стекут ручьи,
И солнце в небо постучит
И перестанет заходить.

Пришла весна, прошли дожди,
А в сердце северном моем
Они открыли водоем
И собираются сюда.
Дожди, ночные холода,
Залив наш в ветреные дни,
Далеких городов огни
И уходящие суда -
Все собираются сюда...
Пройдут дожди по городам,
По крышам и по проводам,
И над вечернею Москвой.
Они отыщут домик твой.
Ты праздно выглянешь в окно
И вдруг подумаешь: "Давно
Мне с севера привета нет..."
И не поймешь, что этот дождь
Как раз и есть тебе привет.

МАЛЕНЬКИЙ РАДИСТ, 1956 г.

В архангельском порту
Причалил ледакол,
В работе и в поту
Он дальний путь прошел.

В эфире тихий свист -
Далекая земля.
Я маленький радист
С большого корабля.

Тяжел был дальний путь
И труден вешний лед,
Хотят все отдохнуть,
А я хочу в поход.

На скальном островке,
Затерянном в морях,
Зимует вдалеке
Радисточка моя.

И там среди камней
Стояли мы часок,

Но объясниться с ней,
Представьте, я не мог.

Но я сказал: скорей
Волну мою лови -
Пусть точки и тире
Расскажут о любви.

Радиограммы лист
Подписываю я.
Я маленький радист
С большого корабля.

НЕ ГРУСТИ, СЕРЖАНТ, 1956 г.

Я смутно помню огни вокзала,
В ночном тумане гудки дрожат.
Ты улыбнулась и мне сказала:
- Не надо слишком грустить, сержант.

А поезд дальше на север мчится,
Толкуют люди: забудь о ней.
А мне улыбка твоя приснится
И две полоски твоих бровей.

Наверно, скоро устанет осень -
Давно в Хибинах снега лежат.
И там, наверно, никто не спросит:
О чем ночами грустишь, сержант?

Он идет по кривому переулку, 1956 г.

Он идет по кривому переулку,
Он с работы возвращается домой.
Облака, как потолок,
Гонит ветер на восток,
Тащит пыль по грязной мостовой.

Вот стоит большой кирпичный корпус,
Пляшет в окнах городской закат.

Там в квартире в два окна
Приготовила жена
Из одной картошины салат.

А когда погаснут в небе звезды
И покажется, что жить уже невмочь,
Курит он во тьме ночной
Над промокшей мостовой
И о чем-то думает всю ночь.

Он идет по кривому переулку,
Он с работы возвращается домой.
Облака, как потолок,
Гонит ветер на восток,
Тащит пыль по грязной мостовой.

СОРТАВАЛА, 1956 г.

Помню, помню край сосновый,
Что красую знаменит.
Там у леса дом тесовый
По-над озером стоит,
Там рассвет кидает алый
Свет на дальние края...
Сортавала, Сортавала -
Дом мой, родина моя.

Там дорогою лесною
У поселка на краю
Под высокою сосною
Встретил я любовь свою.
Вечерами там, бывало,
Заходил к подружке я...
Сортавала, Сортавала -
Дом мой, родина моя.

К своему родному краю
Мы любовь в сердцах храним,
С ним в груди мы умираем
И живем мы вместе с ним.
И в походах на привалах
Напевает нам баян:
Сортавала, Сортавала -
Дом мой, родина моя.

Наша часть стоит у моря,
У скалистых берегов.
Корабли идут в дозоре,
И врагам отпор готов,
И в суровых этих скалах
Я стою, тебя храня,
Сортавала, Сортавала -
Дом мой, родина моя.

УЧЕНИЯ, 1956 г.

Дымит под елкой кухонька,
Горит вдали закат,
За лесом пушки охают
Уж целый час подряд.
Уж вечер к ночи клонится,
И, у костра присев,
Мы на мотив "Поклонницы"
Поем такой припев:

Учения, учения,
На север назначения.
Вперед по Заполярью мы идем.
Тревога за тревогою...
Измотаны дорогою,
Идут, идут машины на подъем.

Заката зорька чистая
Темнеет по краям.
Сторонушка лесистая,
Сторонушка моя...
Мы учимся уверенно
Любого бить врага,
И наша честь проверена
В походах и снегах.

Чад, перегар бензиновый., 1956 г.

Чад, перегар бензиновый.
В воздухе вой висит
Девяноста пяти лошадиных
И пяти человеческих сил.

Словно мы стали сами
Валами, цепями, поршнями,
Ревущими на рассвете
В этом проклятом кювете.

Словно с машиной братья мы,
Как корабль кораблю.
Бревна вместе с проклятьями
Падают в колею.

Падают, тонут, скрываются,
Захлебываются в снегу.
Шофера голос срывается:
- Крышка! Кончай! Не могу!

Видели мерзлые ветви,
Как мы легли на настил,
Как остывали под ветром
Сто измученных сил.

Как умирали снежинки,
Падая на капот,
Как на щеках морщинки
Перепрыгивал пот.

Но кто-то плечо шинели
Вдруг деранул с плеча -
Долго ли, в самом деле,
Будем мы здесь торчать?

И, сокрушив законы,
Вечных устоев курсив,
Вдруг поднялись миллионы
Нечеловеческих сил.

Стали огромными плечи,
Лес лег травой к ногам...

Ясно, что крыть было нечем
Этим густым снегам.

Долго еще под ветром
Нам трястись и курить.
ЗИЛ глотал километры,
Мы - свои сухари.

Мимо неслись селения,
Мотор вперед уносил
Обычайшее явление -
Пять человеческих сил.

Я в прихожей оставил рюкзак, 1956 г.

Я в прихожей оставил рюкзак,
На минутку зашел, чтоб снова
Заглянуть в голубые глаза
И услышать одно лишь слово.

Ведь тебя я все-таки люблю
Той любовью твердой,
О любви тебя я не молю,
Я ведь парень гордый.

Бьется в скалах горная река,
В берегах суровых.
Я уеду к синим ледникам,
Так скажи лишь слово.

До гранитных холодных камней
Понесет меня поезд снова,
На востоке в таежной стране
Буду ждать я одно лишь слово.

ДОРОГА НА ГРАНИЦУ, 1957 г.

Не осуди, товарищ строгий,
Мое молчание, когда
По колеям крутой дороги
Бежит весенняя вода.

Бежит, сама того не зная,
Что нет движенья без следа.
Озера синью набухают,
И синевой сияет даль.

Сияет даль... Не оттого ли
Нам нашу песню не разжечь,
Что из-под снега в этом поле
Выходят спины блиндажей?

Выходят черные бойницы
И обгорелые столбы,
Как обгоревшие страницы
Далекой бешеной борьбы.

Так не спеши вперед, дорога, -
Мы тоже путники твои,
Как те, которым так немного
Прожить отмерили бои,

Как те, которые не в силах
Ответить на свинец свинцом,
Не погребенные в могилы
И не опознаны в лицо...

Но жизнь строга и неизбежна,
И на прибрежные кусты
Ложится пламенная нежность
Рассветов редкой красоты.

Весна дотошная, лихая,
Воды неистой страда,
Озера синью набухают,
И синевой сияет даль,

И снег стареет на вершинах.
А под высоким, звонким днем
Ревут военные машины,
Взбираясь на крутой подъем,

Взбираясь на такие кручи,
Где оступиться - и не жить!
И где на валунах могучих
Стоят все те же блиндажи...

ЗАКУРИ, 1957 г.

Закури, дорогой, закури.
Может, завтра с восходом зари
Ты на линию выйдешь опять
Повреждение где-то искать.

Или в сумерках в наш батальон
Зазвонит полевой телефон,
И прикажет зеленая нить:
Связи нет, отправляйтесь чинить.

Ты на лыжах укажишь туда,
Где оборванные провода.
Может, ветер порвал, может, снег,
Или, скажем, чужой человек.

И на склоне с покатой горы
Ты найдешь тот проклятый обрыв,
Про который дежурный сказал,
Про который узнал генерал.

На столбе, превратившемся в лед,
Ветер пальцы твои обожжет,
Будет губы твои леденить,-
Не придется тебе закурить.

Но оттуда доложишь ты нам:
Неисправность устранена!
Ты вернешься к восходу зари.
Закури, дорогой, закури.

Не знаю, сможет ли ель расти, 1957 г.

Не знаю, сможет ли ель расти -
Уж больно она стара,
Наверно ей хочется погрустить
В осенние вечера.

Она стоит на серой скале
И вечно смотрит туда,
Откуда приходят в желтый лес
Белые холода.

Но ей иногда не по себе,
И она опускает взгляд:
В нее влюблен голубой хребет
Северных горных гряд.

ПЕСНЯ СВЯЗИСТОВ, 1957 г.

По горам, горам лесистым,
По полям родной земли
Мы, военные связисты,
Много трудных верст прошли.

Связисты не уронят честь свою -
Она добыта в яростном бою,
Ее добыли смелые сердца, -
Она ведет к победе до конца.

Землю холода сковали,
С севера пурга неслась,
Много мы с тобой, товарищ,
Сил вложили в эту связь.

Над палаткой бились ветры,
Но, спустясь с большой горы,
Ты на много километров
Уходил искать обрыв.

Вот высокую антенну
Месяц серебрит лучом,
И радист в ночную смену
Наклонился над ключом.

По горам, горам лесистым,
По полям родной земли
Мы, военные связисты,
Много трудных верст прошли.

ПИНОЗЕРО. СЕНТЯБРЬ, 1957 г.

Здравствуйте! Я снова прибыл к вам,
Чтоб сказать вам теплые слова.
Я пришел, отделившись от дел,
Вечерком на горы поглядеть,

С речкой глаз на глаз потолковать,
Разузнать, как чувствует трава,
И, оставив позади леса,
Поклониться этим небесам.

Здравствуйте! Уже в который раз
Я вот не могу уйти от вас.
Многие говаривали мне,
Что пустыня в этой стороне.

Место заключения. Тайга.
Север. Невозможные снега.
В тех словах, конечно, есть резон.
Вот я прибыл в местный гарнизон.

Ветер в сопках. Синева долин.
Белый замороженный залив.
Здесь учился жизни боевой:
Песни петь, чеканить строевой,

Надо - обходиться без воды,
Лес пилить и понимать следы,
Понимать значение рубежа,
Сутками не спавши, связь держать,

Находить желанным дым костра
И прекрасным - отдых до утра.
И, шагая по глухим лесам,
Без наук я научился сам,

Чувствуя, что дело горячо,
Подставлять усталое плечо,
Резать гимнастерку на бинты
В неких положениях крутых

И смеяться через боль, когда
Нестерпимы больше холода.
И в ночах, далеких от Москвы,
Солнечных, дождливых, снеговых,

Я любовь, потерянную мной,
Вновь нашел нелегкою ценой.
Как же мне тебя благодарить
И какой подарок подарить,

Как же расплатиться мне с тобой,
Край мой, бесконечно голубой?
Я - не гость, считающий часы,
Я, москвич, представь себе, - твой сын.

ПРОСТЫЕ СЛОВА, 1957 г.

Солдатский поэт написал стихи,
Хорошие и простые, -
О том, как рассветы на речке тихи
В весенние дни золотые,
Как провода над полями гудят,
А вдаль убегают ряды столбов -
К селу, где раскинулся новый сад,
А в саду том - любовь.
Один солдат прочитал газету
(Он был в стихах профан).
Он взял стихотворение это
И положил в карман.
Газете лихая досталась судьбина -
Газету протерло ремнем карабина,
Потом от горячего сильного тела
Газета потела, потела, потела.
Потом уж в сугробе, на склоне покато,
Газета промокла вместе с солдатом.
Но встал на ночевку усталый отряд -
Просохла газета, просох и солдат.
И вспомнились парню родные места -
Река, луговая трава...
И он молчаливым друзьям прочитал
Хорошие эти слова:
Про осень в далеком краю лесном,
Про сад и ряды столбов.
И каждый вздохнул - у каждого дом,
У каждого где-то любовь.
Беседа сама собой полилась,
А за беседой - шутки.
И газета, конечно, вся разошлась
На нужные очень закрутки.
Газета сгорела. С рассветом отряд
Ушел за далекий увал.
Газета сгорела. Но в сердце солдат
Остались большие слова.

Пустое болтают, что счастье где-то, 1957 г.

Пустое болтают, что счастье где-то
У синего моря, у дальней горы.
Подошел к телефону, кинул монету
И со Счастьем - пожалуйста! - говори.
Свободно ли Счастье в шесть часов?
Как смотрит оно на весну, на погоду?
Считает ли нужным до синих носов
Топтать по Петровке снег и воду?
Счастье торопится - надо решать,
Счастье волнуется, часто дыша.
Послушайте, Счастье, в ваших глазах
Такой замечательный свет.
Я вам о многом могу рассказать, -
Пойдемте гулять по Москве.
Закат, обрамленный лбами домов,
Будет красиво звучать.
Хотите - я вам расскажу про любовь,
Хотите - буду молчать.
А помните - боль расстояний,
Тоски сжималось кольцо,
В бликах полярных сияний
Я видел ваше лицо.
Друзья в справедливом споре
Твердили: наводишь тень -
Это ж магнитное поле
Колеблется в высоте.
Явление очень сложное,
Не так-то легко рассказать.
А я смотрел, замороженный,
И видел лицо и глаза...
Ах, Счастье, погода ясная!
Я счастлив, представьте, вновь.
Какая ж она прекрасная,
Московская
Любовь!

РОМАНТИКИ, 1957 г.

У романтиков одна дорога:
Обойдя все страны и моря,
Возвратясь, у своего порога
Отдавать навеки якоря.
И смотреть нездешними глазами,

Коротать с соседом вечера,
Слушать леса древние сказанья,
Подпевать бродяге у костра.

По глухой проселочной дороге
Он придет, минуя города,
Чтобы здесь, на стареньком пороге,
Доживать последние года.
Постоит он у забитой двери,
Никому ни слова не сказав:
Все равно рассказам не поверят,
Не поверят старческим слезам.

Много нас скиталось по чужбине,
Баламутя души на пути,
Много нас осталось там и ныне,
Не придти им больше, не придти,
Не смотреть нездешними глазами,
Не сидеть с соседом до утра
И не слушать древние сказанья,
И не петь с бродягой у костра.

Сделана в дымных больших городах, 1957 г.

Сделана в дымных больших городах
И охраняется в темных складах
Пуля, которая в первом бою
С треском шинель продырявит мою.

Мало. Сработан рабочим седым
Взрыв, заключенный в осколки и дым,
Взрыв, что, ударив по пыльной листве,
Бросит меня на рассвете в кювет.

С юга и севера плещет вода.
Спущены в воду стальные суда,
Ждущие часа и ждущие дня
Кинуть ревуший десант на меня.

И наконец, сотни тысяч людей
Трудятся порознь, неведомо где,
Лишь для того, чтобы ночью иль днем
Был я низвергнут небесным огнем,
Чтобы я был разmozжен и разбит,

Полностью выжжен и насмерть убит.

...Лапник сырой. Вся палатка в дыму.
Что я им сделал? Никак не пойму.

Ах, дорога, дорога, 1958 г.

Ах, дорога, дорога, знакомая синяя птица!
Мне давно полюбилась крутая твоя полоса.
Зной пустынь, шум тайги, золотые степные зарницы
У истоков твоих основали свои полюса.

По лицу твоему проползают ночные туманы,
Караваны машин топчут шинами тело твое,
Над твоей головой зажигаются звезд караваны,
А в ногах твоих солнце, как путник твой вечный, встает.

Ах, дорога, дорога, куда же летишь ты, куда ты?
- Я лечу по горам, удивляюсь, куда ж занесло.
Я беру и швыряю бубновые масти заката
На твое ветровое выдавшее виды стекло.

Как веселые зайцы, выпрыгивают повороты,
Развешаются ветры, как плащ за моею спиной.
Дорогая дорога, живущего мира ворота,
Отворись предо мной, отворись предо мной.

БОЛЬШОЙ ФОНАРЬ, 1958 г.

Мы возвращались с работы поздно,
Темно на улице, хоть кричи.
Нам освещали дорогу звезды
С предельной мощностью в полсвечи.

Мы к коменданту приходим однажды:
- Иван Иванович, на нас посмотри!
Долго ли будет ставить каждый
Сугубо личные фонари?

Дал нам примочку Иван Иванович,
Сказал: "Не будет темно как встарь!"
Вот и повесил он, глядя на ночь,
Назло всем звездам большой фонарь.

Радости нашей куда деваться?
Но одного не могли мы учесть:
Как же нам с девушками встречаться
При средней мощности в сто свечей?

Был комендант наш чуть-чуть поэтом
И сам догадался, что надо уже
Снять тот фонарь и сказать при этом:
- Любовь, конечно, требует жертв.

Снова идем мы с гулянья поздно,
Успеть бы выспаться до зари,
И не понять этим синим звездам,
Зачем нам старые фонари.

Бегут, бегут, бегут колеса, 1958 г.

Бегут, бегут, бегут колеса
В тумане ночном.
Давай закурим папиросу
И песню начнем -
Про то, как горные отроги
Блестят под луной,
Про то, как разные дороги
Приводят к одной.

Холодный ветер шебуршится
В предутренний час.
Кому-то в эту ночь не спится
И снится про нас.
Про нас, про наши разговоры,
Про горный поток,
Про то, как ходят через горы
Две пары сапог.

У нас другой дороги нету -
Уж так повелось:
Встречать холодные рассветы
Под рокот колес.
И длинных писем в час прощанья
Ты не обещаешь.
Ну что ж, товарищ, до свиданья,
А может, прощай!

ВЕРЕВОЧКА, 1958 г.

Ты ножкой двинула
Чуть на вершок,
Какао вылила
На мой мешок.

Спустила с высоты
Ты град камней,
Разбила ногу ты
И сердце мне.

Я ногу щупаю
На леднике.
Какао хлюпает
В моем мешке.

Всю смену я больной -
Хожу, томлюсь.
Наверно, я с тобой
Не развяжусь.

Связал нас черт с тобой,
Связал нас черт с тобой,
Связал нас черт с тобой
Веровочкой одной.

ВЕСЕЛЫЙ РЕПОРТЕР, 1958 г.

Нет на земле человека такого,
Радио кто б не слышал.
Но вам никто не расскажет толково
О том, как собрать материал.

Рассказать вам про жизнь репортера -
Это будет долгий разговор.
Под сырой землей, на гребнях диких гор
Он бывал - веселый репортер.

Мчатся экспрессы, автобусы мчатся,
Всюду нам надо поспеть.
И недоспать нам приходится часто,

И песен своих недопеть.

Если однажды ракета украсит
Лунный унылый простор,
Будет на ней не из песни "мой Вася",
А будет наш брат - репортер.

Покажи мне того репортера,
Кто прожил спокойно жизнь свою,
Он найдет приют, конечно, не в раю,
Но возьмет у черта интервью.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ, 1958 г.

Вечер спрятался на крышу,
В тишине шаги звенят.
Может, ты меня услышишь,
Может, ты поймешь меня.
Облаков вечерних пятна
Наплывают на зарю.
Неужели непонятно
То, что в песне говорю?

Подобрать мне трудно сразу
В песню нужные слова,
Потому что я ни разу
Никого не целовал.
С крыши ночь зарю снимает
И спускается с небес.
Эта песня, понимаешь,
Посвящается тебе!

ВЕТЕР В СОСНАХ ВЫСОКИХ КАЧАЕТСЯ, 1958 г.

Ветер в соснах высоких качается,
Мелкий дождик стучит по спине.
Где-то в Арктике шторм начинается,
Мокнут спины холодных камней.

Часовой у обрыва прибрежного
Закрывает от брызг автомат,

Молча смотрит на море мятежное,
Вспоминая знакомых девчат.

А в землянке сырой и нетопленной,
Где вповалку солдаты лежат,
Что-то пишет в тетрадке потрепанной
Никогда не писавший сержант.

Пишет он с перекурами частыми,
Тень коптилки скользит за рукой.
Говорят, что ночами ненастными
И любимым без нас нелегко.

Ветер в соснах высоких качается,
Мелкий дождь по пилотке стучит.
Это ясно, что песня кончается,
Но любовь никогда не молчит.

Вот вы тоже плавали когда-то, 1958 г.

Вот вы тоже плавали когда-то.
Сделав ряд "решительных шагов",
Протирали свой иллюминатор,
Ожидая новых берегов.

По ночам мигали города,
Новых стран красивые названия.
Плыли мы неведомо куда
По путям надежды и познания.

И когда вокруг полно огней
И не кончен рейс, на корабле
Мы не слишком помнили о ней -
Нами позаброшенной земле.

Мы ушли, и каждый - за своим.
Вот корабль форштевнем воду режет
К берегам пока еще глухим
И, наверно, к милым побережьям.

Но, причалив к вымышленным далям,
Перейдя условные мосты,
Мы однажды с горечью познали
Фикцию кричащей красоты,

Слабость деревянных пьедесталов,
Пустоту, ненужность громких фраз.
Господи! Какой нам показалась
Нами позабытая земля!

Мы рванулись к ящикам почтовым,
Мы в бреду курили по ночам,
Мы на все, на все были готовы,
Лишь бы увидеть ее причал.

И ворвался ветер - чист и свеж,
Дней закуролесила вода.
Я держусь за поручни надежд
И до боли вглядываюсь в даль.

Вот она - знакомая земля.
Стукнет дверь подъезда. Час настал.
Я схожу на берег с корабля,
Про который слышали - пропал.

Про который думали - ушел,
Может быть, придет, а может, нет,
И который связи был лишен
Целый ряд серьезных долгих лет.

ЖАК ЛОНДРЕЙ, 1958 г.

Жак Лондрей, уроженец Парижа,
Переехал в другие края.
Жак Лондрей перебрался поближе
К лучезарным французским морям.
Он идет по шикарному пляжу,
А вокруг красота, красота:
Толигэ, толигэ, дювуляже,
Тра-та-та-та, та-та-та, тра-та-та.

Он, вниманием женским согретый,
Никогда и нигде не скулил,
Он блондинок любил и брюнеток,
А шатенок он тоже любил.
Только солнце за скалами ляжет,
И к устам примыкают уста:
Толигэ, толигэ, дювуляже,

Тра-та-та-та, та-та-та, тра-та-та.

Жак Лондрей кончил жизнь очень просто -
Он родною женой был убит.
И за это огромного роста
Ему памятник вечный стоит.
Он стоит, возвышаясь над пляжем,
А на бронзе написано так:
Толигэ, толигэ, дювуляже,
Тра-та-та-та, та-та-та, тра-та-та.

Зимний вечер синий, 1958 г.

Зимний вечер синий
Лес закутал в иней,
Под луною ели
Стали голубей.
Замели снежинки
Все пути-тропинки,
Замели метели
Память о тебе.

Я и сам не знаю,
Рядом с кем шагаю
По путям вечерним,
По глухим ночам.
Лес стоит, как в сказке,
И нехитрой ласки
Хочется, наверно,
И тебе сейчас.

А с тобою в паре
Ходит статный парень,
Отчего же часто
Ты вздыхаешь вновь?
В этот вечер синий
Слишком нежен иней,
Слишком больно гаснет
Старая любовь.

МАМА, Я ХОЧУ ДОМОЙ, 1958 г.

Снова нас ведут куда-то,
И не ясен нам маршрут.
Видно, горы виноваты -
Не сидим ни там, ни тут.
Снова в горы и по тропам
С рюкзаками за спиной.
Груз под силу лишь циклопам!
Мама, я хочу домой!

Дома все же как-то лучше,
Ну а здесь придется нам
Целый день бродить по кручам,
По ужасным ледникам.
Будем ползать постоянно
По веревке основной
И питаться кашей манной, -
Мама, я хочу домой!
Не хочу я каши манной,
Мама, я хочу домой!

Склоны круче, ближе тучи,
Камни сыплются гурьбой.
На пожарный всякий случай
Мы связались меж собой.
Мы идем по ледопаду,
Где, представьте, путь такой:
Хочешь стой, а хочешь падай, -
Мама, я хочу домой!
Не хочу я что-то падать.
Мама, я хочу домой!

Снова нас ведут куда-то,
Снова я несу рюкзак.
До чего же мне, ребята,
Надоело жить вот так!
Телеграмма уж готова,
Ни одной в ней запятой,
В ней всего четыре слова:
"Мама, я хочу домой!"

ПАРЕНЬ НОС, 1958 г.

Он возвращался с работы поздно,
Он пас на полях овец и коз.
Звали его пастухом колхозным
Иль просто парень по кличке Нос.

Носу его старики удивлялись:
Вот если бы хлеб на полях так рос!
Девушки с фермы обидно смеялись:
Вот едет парень по кличке Нос!

Парень уехал, и мы допустим:
Была обида, но только всерьез.
Нос не причина особой грусти -
Решил наш парень по кличке Нос.

И как-то однажды на тихую пристань
Кто-то приехал и весть принес:
Стал знаменитым в стране машинистом
Наш славный парень по кличке Нос.

В колхозе собралось собрание. Не скрою,
Что был на повестке один лишь вопрос:
Можно ли стать настоящим героем,
Имея, скажем, нормальный нос.

И тут же собрание весть облетела:
Приехал герой, и он речь произнес.
"Нос, скажем прямо, не первое дело", -
Сказал наш парень по кличке Нос.

И снова составы по шпалам шпарят,
И парень ведет свой электровоз.
Вот он каким оказался, парень,
Вот этот парень по кличке Нос.

Прощай, Москва, 1958 г.

Прощай, Москва, не надо слов и слез,
Скажу тебе сегодня по секрету:
Не знаешь ты, что я тебя увез,
В душе своей ношу тебя по свету.

Не знаешь ты, что если у костра
Глаза подернет дым воспоминаний,
По длинным, одиноким вечерам
К тебе ходить я буду на свиданья.

Мне здесь знаком, наверно, каждый дом,
Тебе на память подарил я детство,
А молодость и солнечный задор
Ты, город мой, оставил мне в наследство.

Прощай, Москва, в сиянье гордых звезд,
Прими слова прощального привета.
Не знаешь ты, что я тебя увез,
В душе своей ношу тебя по свету.

РАЗЛУКА, 1958 г.

Вот флаг на мачте бьется,
Горит в ночи звезда.
Механик наш смеется
И курит, как всегда.
Смеется, смеется,
А пламя в топке бьется,
И кто-то расстаётся
С судьбою навсегда.

И каждому придется
Измерить этот путь,
Где песня не поется
И негде отдохнуть.
Придется, придется,
А сердце к сердцу рвется,
И флаг на мачте бьется -
Тяжелый долгий путь.

Но кто-то вновь вернется,
Полсвета исходив,
Волна на берег рвется
Припасть к его груди.
На берег, на берег,

В который свято верят,
Который, как надежда,
Синеет впереди.

Разлука, разлука,
Дрожит в окне звезда.
Разлука, разлука,
Ночные поезда.

ВАЛЯБА, 1959 г.

Я сам не знаю страну Китая.
Я знаю Сретенку, а это не Китай.
Так не грусти же ты, Валяба, по Китаю,
Не тереби свое китайское кольцо.
В Китае сейчас, наверно,
Без вас грустят безмерно
Десятки косоглазых
Китайских молодцов.

Я не инструктор и не конструктор,
Меня не выбрали в Московский горсовет,
Но, может, ты на это дело глянешь просто, -
Ведь мы простые люди, черт, в конце концов!
Мы будем по субботам
Опять бежать с работы
И будем пить коньяк со Шляпцевым,
А также с Лабунцом.

Валяба, Валяба, не уезжай в Китай.
Валяба, Валяба, ты сердце мне отдай,
А после будет поздно - дни уходят навсегда.
Валябочка, Валяба, уйдут твои года.

ДОЛИНА МЕЧТЫ, 1959 г.

Есть долина мечты
В отдаленных горах,
Там сверкают цветы
На альпийских лугах.

Там рассветы роняют на сосны
Первый блеск золотого луча,
Там веселые горные весны
По ущельям ручьями звучат.

Это так высоко,
Что оттуда
С этих гор кувырком
Три тысячи лет
Падает эхо.

А под боком вот тут,
Где хожу и живу,
Я встречаю мечту
Каждый день наяву.

Нам не нужно ни ссоры, ни встречи,
Нам все ясно без жестов и слов.
И копеечной маленькой свечкой
Где-то теплится наша любовь.

Это так далеко,
Что оттуда
Сквозь туман ледников
Три тысячи лет
Тянется эхо.

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ, 1959 г.

Снова просеки костром горят.
Здравствуй, осень, милая моя, -
Полустанки и полутона,
Заплутавшие во снах.
В легкой грустности твоих шагов,
В ожидании твоих снегов
Ветром сорванные облака
На моих лежат руках.

Понимаешь ли, - в глаза гляжу,
Понимаешь ли, - такая жуть...
У лесного черного ручья
О любви поют друзья.
В этом свет какой-то заключен.
Я касаюсь до луны плечом,

Я плащом черпаю синеву,
Звезды падают в траву.

Дорогая осень, ты сама
Покажи свои нам закрома,
Золотые сундуки зари
Перед нами отвори.
За опушку спрячь ты облака,
За опушкой погаси закат,
За опушкой, где живет луна,
Бродит девочка - Весна.

МАРШ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ, 1959 г.

Мы немало, товарищ, с тобою
Штурмовали суровых преград,
И опять на лесах новостроек
Наши песни сегодня звучат!

Это мы
Пробуждаем просторы земли!
Это мы
В небе новые звезды зажгли!
Слышишь голос гудков,
Слышишь шелест колосьев,
Слышишь песню станков?
Это мы!

Знаем - будут бессонные ночи,
Будут новых высот рубежи.
Будет гордое слово - рабочий -
В наших смелых дерзаниях жить!

От карпатских долин до Таймыра
Мы идем по дорогам крутым.
Коммунизм - это молодость мира,
И его возводить молодым!

СИНИЕ СНЕГА, 1959 г.

Ты уйдешь усталая,
Слов не говоря,
И погаснет алая
Зимняя заря.
И дорогу ровную
Заметет пурга,
Злые подмосковные
Синие снега

Будут ночи черные
Мчаться без следа,
Как туманы горные,
Будут плыть года.
Но любовь зачалена
Навсегда моя
На крутых, отчаянных
Мертвых якорях.

Ты не пишешь писем мне,
Телеграмм не шлешь,
В неизвестной стороне
Без меня живешь.
Но однажды вечером,
Сердце потеряв,
Ты поймешь, как мечется
Алая заря.

Мой характер ангельский
Ты тогда поймешь.
Прилетишь с Архангельска,
С Воркуты придешь.
На дорогу ровную
Не мети, пурга,
Стайте, подмосковные
Синие снега.

АЛАМЕДИН, 1960 г.

Под солнцем юга, около Тянь-Шаня,
В горах Киргизии Аламедин течет.
То шумен он, то снова тихим станет,
Но никогда шуметь не устает.

В Аламедине солнце не заходит,
С Аламедина не уходит снег,
Здесь кот ученый по цепи не ходит,
Зато приходит снежный человек.

В Аламедине есть поля и горы,
В Аламедине водка хороша,
И престарелой техникой упора
Здесь овладеть все лыжники спешат.

Аламедин, посмотри, какая база,
Она нас вновь готова
Принять на свой баланс.

АНДРЮХА, 1960 г.

Уж как-нибудь не в первый раз
Андрюха прибыл на Кавказ
Центральный, Центральный, Центральный.
Налево желоб снеговой,
Направо гребень ледяной
И скальный, и скальный, и скальный.

Имеет третий он разряд,
Ему чуждо, как говорят,
Бахвальство, бахвальство, бахвальство.
С Андрюхой вместе в новый мир
Приехал генерал Кушнир -
Начальство, начальство, начальство.

Андрюха хмурит черный глаз,
Здесь символ масс - противогаз,
И скоро, и скоро, и скоро
Он всю гармонию свою
Направил в нужную струю
С упора, с упора, с упора.

А кроме этого всего
Андрюха наш готовил - во! -
Заварку, заварку, заварку.
Ну а сегодня, как-никак,
Мы будем пить с тобой коньяк
И старку, и старку, и старку.

АСТРОНОМЫ, 1960 г.

Ночами долго курят астрономы,
Колышет космос звезды-ковыли,
Там в океане пламя неземного,
Вскипают бури неземной любви.
Какой корабль, надеждой окруженный,
Рванется разузнать, что там в огне?
Какие убиваться будут жены
Сгоревших в неразгаданной стране?

И долго это горе будет плавать
И голосить у ветра на крыле,
И долго свет созвездий будет плакать
Над памятью сгоревших кораблей.
Но кто-нибудь опять начнет атаки,
Чтоб засветить открытий фонари...
Но ты держись подальше этой драки,
Но ты не открывай меня - сгоришь!

ОХОТНЫЙ РЯД, 1960 г.

Нажми, водитель, тормоз, наконец,
Ты нас тиранил три часа подряд.
Слезайте, граждане, приехали, конец -
Охотный ряд, Охотный ряд!

Когда-то здесь горланили купцы,
Москву будила зимняя заря,
И над сугробами звенели бубенцы -
Охотный ряд, Охотный ряд!

Здесь бродит Запад, гидов беребя,
На "Метрополь" колхозники глядят.
Как неохота уезжать мне от тебя,
Охотный ряд, Охотный ряд!

Вот дымный берег юности моей,
И гавань встреч, и порт ночных утрат,
Вот перекресток ста пятнадцати морей -
Охотный ряд, Охотный ряд!

Нажми, водитель, тормоз, наконец,
Ты нас тиранил три часа подряд.
Слезайте, граждане, приехали, конец -
Охотный ряд, Охотный ряд!

ПОДМОСКОВНАЯ, 1960 г.

Тихим вечером, звездным вечером
Бродит по лесу листопад.
Елки тянутся к небу свечками,
И в туман уходит тропа.
Над ночной рекой, речкой Истрою,
Нам бродить с тобой допоздна,
Среднерусская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.

Шепчут в сумерках обещания
Губы девичьи и глаза...
Нам ли сетовать на скитания,
В сотый раз покинув вокзал?
Вот вагон качнул звезды низкие,
И бежит, бежит вдоль окна
Среднерусская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.

За Звенигород тучи тянутся,
Под Подлипками льют дожди,
В проливных дождях тонут станции,
Ожидая нас впереди.
И пускай гроза где-то рыскает, -
Мне с тобой она не страшна,
Среднерусская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.

Где-то плещется море синее,
Мчатся белые поезда,
А на севере тонут в инее
Предрассветные города.
По земле тебя не разыскивать,
Изо всех краев ты видна,
Среднерусская, сердцу близкая,
Подмосковная сторона.

СОЛНЦЕ ДРОЖИТ В ВОДЕ, 1960 г.

Солнце дрожит в воде,
Вечер уходит вдаль.
Вот уж который день

Я прихожу сюда -
Слышать, как ты поешь,
Видеть, как ты плывешь.
Парус крылом взмахнет,
Сердце на миг замрет.

Но вот пришла зима,
Речка белым бела,
Свернуты паруса,
Хмурятся небеса.
Снег и печаль кругом
Кружатся в ноябре,
И не махнет крылом
Парусник на заре.

Вот и любовь прошла,
Речка белым бела,
Свернуты паруса,
Хмурятся небеса.
Снег и печаль кругом
Кружатся в ноябре,
И не махнет крылом
Парусник на заре.

ШХЕЛЬДА, 1960 г.

Кончилось лето жаркое,
Шхельда белым бела.
Осень, дождями шаркая,
В гости ко мне пришла.
Снова туманы, вижу я,
Свесились с гор крутых...
Осень - девчонка рыжая,
Ясная, словно ты.

Что ты так смотришь пристально, -
Толком я не пойму.
Мне, словно зимней пристани,
Маяться одному,
Тихие зори праздновать,
Молча грустить во тьме...
Наши дороги разные,
И перекрестков нет.

Ты ж ведь большая умница, -
Вытри с лица слезу.
Горы снегами пудрятся,
Вот и сидим внизу.
Снова дожди тоскливые,
А наверху метет...
Песни, как версты, длинные
Парень один поет.

ЕСЛИ Я ЗАБОЛЕЮ, 1960 г.

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращусь я к друзьям -
Не считите, что это в бреду:
Постелите мне степь,
Занавесте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Упавшую с неба звезду!

Я шагал напролом,
Никогда я не слыл недотрогой.
Если ранят меня
В справедливых тяжелых боях,
Забинтуйте мне голову
Русской лесною дорогой
И укройте меня
Одеялом в осенних цветах.

От морей и от гор
Веет вечностью, веет простором.
Раз посмотришь - почувствуешь:
Вечно, ребята, живем!
Не больничным от вас
Ухожу я, друзья, коридором,
Ухожу я, товарищи,
Сказочным Млечным путем.

В ТВОЕЙ ДУШЕ, 1961 г.

Глухим путем геологи шагают,
Немым камням давая имена,
А я сто лет в душе твоей плутаю

И не могу никак тебя узнать.

Вот я иду по тем исканьям длинным,
Готовый встретить радость иль печаль.
Я выхожу на синие вершины
И вижу даль опять, сплошную даль.

Привет, друзья, из лабиринтов улиц, -
Я ухожу с надеждой на крыле.
Давно домой геологи вернулись,
А мне тебя искать еще сто лет!

В.КОПАЛИНУ, 1961 г.

На муромской дорожке
Стоял огромный вяз.
Поехал В.Копалин
С гитарой на Кавказ.

Сидит на перевале
Копалин мой родной,
Качает над Сванетией
Окованной ногой.

Сидел я на Донгузе
И вниз глядел с тоской,
Но солнечной Сванетии
Не видел под собой.

Там дождик лил из бочки,
А может, из ведра,
Как будто над Сванетией
Не небо, а дыра.

Я тама простудился,
Теперь хожу больной.
Поможем на лечение
Копейкой трудовой!

ВОЛЧЬИ ВОРОТА, 1961 г.

Через скальные Волчьи ворота
Мы прошли по высокой тропе.
В них самих было мрачное что-то,

И хотелось идти и не петь.
Вверх ушли мы по снежному следу,
И остались ворота вдали.
Мы прошли через многие беды,
Через эти ворота прошли.

Снова ветры нас горные сушат,
Выдувают тоску из души.
Продаем мы бессмертные души
За одно откровенье вершин.
Все спешим мы к тому повороту,
Где пылает огонь без причин.
Так заprite ж вы Волчьи ворота
И в ломбард заложите ключи.

Дружбой мы, слава Богу, богаты
И пока еще крепки в беде.
Но смотри - поднял руки заката
К небесам умирающий день.
Все зовет он на помощь кого-то,
Ну, а кто-то не может помочь.
Открываются Волчьи ворота,
Пропуская к созвездиям ночь.

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА, 1961 г.

Я много изъездил дорог:
Ищу и никак не найду
В созвездиях дальних миров
Свою голубую звезду.
Шли годы, мелькали дела,
Неслись по степям поезда,
А где-то наверно ждала
Меня голубая звезда.

Но вот загремел эшелон,
И даль мне иная видна:
Вот пристань - дощатый перрон,
Вот гавань моя - целина.
И флаг над палаткой стучит,
Не гаснут костры до утра,
И падают звезды в ночи
Под ноги к моим тракторам.

Ах, край мой родной - целина,

Открытие мира мое,
Мне юность однажды дана, -
Тебе посвящаю ее!
Рождается день в ковылях,
На смену ребята идут,
И пашут планету Земля -
Мою голубую звезду.

ДОМБАЙСКИЙ ВАЛЬС, 1961 г.

Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой.
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.
Здравствуйте, хмурые дни,
Горное солнце, прощай!
Мы навсегда сохраним
В сердце своем этот край.

Нас провожает с тобой
Гордый красавец Эрцог,
Нас ожидает с тобой
Марево дальних дорог.
Вот и окончился круг -
Помни, надейся, скучай!
Снежные флаги разлук
Вывесил старый Домбай.

Что ж ты стоишь на тропе,
Что ж ты не хочешь идти?
Нам надо песню запеть,
Нам надо меньше грустить.
Снизу кричат поезда -
Правда, кончается март...
Ранняя всходит звезда,
Где-то лавины шумят.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ, 1961 г.

Ну так что же рассказать о зиме?
То она как серебро, то как медь.
Это холодно, когда без огня,
А кому-то холода без меня.

Синий вечер два окна стерегут,
В черной просеке две сказки живут,
И нанизано рожденье луны
На хрустальное копье тишины.

Ну так что же рассказать о зиме?
Поднял оттепель февраль на корме,
Выгибает облаков паруса,
И качаются в ночах полюса.

И восходит над дорогой звезда,
И уходят из Москвы поезда...
Зря сидишь ты по ночам у огня, -
Не согреет он тебя без меня.

На плато Расвумчорр, 1961 г.

На плато Расвумчорр не приходит весна,
На плато Расвумчорр все снега да снега,
Все зима да зима, все ветров кутерьма,
Восемнадцать ребят, три недели пурга.

Мы сидим за столом, курим крепкий табак.
Через час вылезать нам на крышу Хибин
И ломиться сквозь вой, продираться сквозь мрак,
Головой упираясь в проклятье пурги.

А пока мы сидим за дощатым столом.
Курит старший механик столичный "Дукат",
Привезенный сюда сквозь жестокий циклон
В двух карманах московского пиджака.

Он сидит и грустит неизвестно о чем,
Мой милейший механик, начальник дорог.
Через час ему биться с плато Расвумчорр,
По дороге идя впереди тракторов.

Потому что дорога несчастий полна
И бульдозеру нужно мужское плечо,
Потому что сюда не приходит весна -
На затылок Хибин, на плато Расвумчорр.

По сегодняшний день, по сегодняшний час

Мы как черти здоровы, есть харч и табак,
Мы еще не устали друзей выручать,
Мы еще не привыкли сидеть на бобах.

Нас идет восемнадцать здоровых мужчин,
Забинтованных снегом, потертых судьбой, -
Восемнадцать разлук, восемнадцать причин,
Восемнадцать надежд на рассвет голубой.

Что вам снится, девчата, в неведомых снах?
Если снег и разлука, то это не сон...
На плато Расвумчорр не приходит весна, -
Мы идем через выюгу, надежду несем.

СЛАЛОМИСТЫ, 1961 г.

Три тыщи лет стоял Кавказ,
И было грустно так без нас,
Ходили барсы по тропе,
Не опасаясь КСП.

Слаломисты, слаломисты -
Ленинградцы, москвичи.
Снег пушистый, воздух чистый,
Принял старт - быстрее мчи!

Но вот на склоне новички,
На грудь повесили значки,
И нацепили "мукачи", -
Они не едут, хоть кричи.

Туман спускается с вершин,
На склоне ночью ни души,
Лишь метеоры за окном
Горят на спуске скоростном.

Живем мы в разных городах,
Где нету снега, нету льда,
Но лето - это ж ведь не век,
Опять услышит Алибек:

Слаломисты, слаломисты -
Ленинградцы, москвичи.
Снег пушистый, воздух чистый,
Принял старт - быстрее мчи!

ВСТАВАЙТЕ, ГРАФ, 1962 г.

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды.
И кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.
Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю:
Вы, несомненно, сделали счастливой
Ее саму и всю ее семью.

Вставайте, граф! Уже друзья с мультуками
Коней седлают около крыльца,
Уж горожане радостными звуками
Готовы в вас приветствовать отца.
Не хмурьте лоб! Коль было согрешение,
То будет время обо всем забыть.
Вставайте! Мир ждет вашего решения:
Быть иль не быть, любить иль не любить.

И граф встает. Ладонью бьет будильник,
Берет гантели, смотрит на дома
И безнадежно лезет в холодильник,
А там зима, пустынная зима.
Он выйдет в город, вспомнит вечер давешний:
Где был, что ел, кто доставал питье.
У перекрестка встретит он товарища,
У остановки подождет ее.

Она придет и глянет мимоходом,
Что было ночью - будто трын-трава.
"Привет!" - "Привет! Хорошая погода!..
Тебе в метро? А мне ведь на трамвай!.."
И продают на перекрестках сливы,
И обтекает постовых народ...
Шагает граф. Он хочет быть счастливым,
И он не хочет, чтоб наоборот.

ЗИМНИЙ ЛАГЕРЬ _АЛИБЕК_, 1962 г.

Не бубни ты эту фразу:
"Будь счастливым целый век",
Нагадай мне лучше сразу
Зимний лагерь "Алибек",

Зимний лагерь, за которым
Синих гор не сосчитать.
Кто хоть раз увидел горы, -
Тот вернется к ним опять.

Солнце рыжее на лыжах,
Солнце лижет наши лбы,
И в глазах твоих я вижу
Два светила голубых.
От такого кругозора
Как же дров не наломать?
Кто хоть раз увидел горы, -
Тот вернется к ним опять.

Догорает наша песня,
Как вечерняя свеча,
И свисают два созвездья
С перевального плеча.
И заснуть нам всем не скоро,
И потом еще не спать.
Кто хоть раз увидел горы, -
Тот вернется к ним опять.

Оставь свою печаль, 1962 г.

Оставь свою печаль до будущей весны, -
На север улетают самолеты.
Гремит ночной полет по просекам лесным,
Ночной полет - не время для полета.

Мы бросили к чертям пшеничные хлеба,
Сменили на махорку сигареты.
Выходит, что у нас попутная судьба,
Один рассвет, ладонями согретый.

Таятся в облаках неспелые дожди,
И рано подводить еще итоги:
У этих облаков метели впереди,
Да и у нас - дороги да дороги.

Ни мартовские льды,
Ни вечная жара,
Ниobelisks под звездой жестяной
Не оборвут следы

К пылающим кострам,
К непройденным вершинам безымянным.

Спокойно, дружище, спокойно, 1962 г.

Спокойно, дружище, спокойно!
У нас еще все впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди, -
Не путай конец и кончину:
Рассветы, как прежде, трубят.
Кручина твоя - не причина,
А только ступень для тебя.

По этим истертым ступеням,
По горю, разлукам, слезам
Идем, схоронив нетерпенье
В промытых ветрами глазах.
Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звезды лесные
На черных глазищах озер.

Спокойно, дружище, спокойно!
И пить нам, и весело петь.
Еще в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят

АМАР-ДАБАН, 1962 г.

Забудь про все, забудь про все,
Ты не поэт, не новосел,
Ты просто парень из тайги -
Один винчестер, две ноги.
Тайга вокруг, тайга - закон.
Открыта банка тесаком,
А под ногами сквозь туман
Хрустит хребет Хамар-Дабан.

И жизнь легка - под рюкзаком
Шагай, не думай ни о ком,
И нету славы впереди,
А впереди одни дожди.
За перевалом умер день,
За перевалом нет людей,
И вроде нет на свете стран,
Где нет хребта Хамар-Дабан.

В мешочек сердца положи
Не что-нибудь, а эту жизнь,
Ведь будут тысячи столиц
Перед тобою падать ниц,
И будут тысячи побед,
А снится все-таки тебе
Одно и то же: сквозь туман
Хрустит хребет Хамар-Дабан.

ХИЖИНА, 1962 г.

Лучами солнечными выжжены,
Красивые и беззаботные,
Мы жили десять дней на хижине
Под Алибекским ледником -

Там горы солнцем не обижены,
А по февральским вечерам
Горят окошки нашей хижины,
Мешая спать большим горам.

Известные своей решимостью,
Несемся мы по склонам солнечным,
И лишь одной непогрешимостью
Мы держимся в крутых снегах.

Пускай в долинах будет хуже нам,
Но не привыкли мы сутулиться:
Всегда верны мы нашим хижинам
И не завидуем дворцам:

Там горы солнцем не обижены,
А по февральским вечерам
Горят окошки нашей хижины,
Мешая спать большим горам.

А мы сидим и просто курим..., 1963 г.

А мы сидим и просто курим...
Над океаном снег летит.
Мы перешли вот эти бури,
Которых вам не перейти.
Мы сквозь такие мчались беды,
Что отрывались от земли.
Мы не попали в домоседы,
Но и в пираты не пошли.

Лежит на скалах неудачник,
Вспоров обшивку о туман.
Листает ветер наш задачник -
Непостижимый океан.
И все мы знаем: вон оттуда,
Из-за причального плеча,
Встает бесформенное чудо
И семафорит по ночам.

Быть может, утро нам поможет
Дороги наши выбирать,
Искать дороги в бездорожье,
Неразрешимое решать.
Не утонуть бы нам сегодня!
Стакан грохочет о стакан,
И, как подвыпивший подводник,
Всю ночь рыдает океан.

А распахнутые ветра, 1963 г.

А распахнутые ветра
Снова в наши края стучатся.
К синеглазым своим горам
Не пора ли нам возвращаться?
Ну, а что нас ждет впереди?
Вон висят над чашей долины
Непролившиеся дожди,
Притаившиеся лавины.

Снова ломится в небо день,

Колет надвое боль разлуки,
И беда, неизвестно где,
Потирает спросонья руки.
Ты судьбу свою не суди, -
Много раз на дорогу хлынут
Непролившиеся дожди,
Притаившиеся лавины.

Звезды падают нам к ногам.
Покидаем мы наши горы,
Унося на щеках нагар
Неразбившихся метеоров.
Так живем и несем в груди
По московским мытарствам длинным
Непролившиеся дожди,
Притаившиеся лавины.

Взметнулась вверх рука, 1963 г.

Взметнулась вверх рука:
"Прощай! Пока!"
Покачивают ночь
На спинах облака.

Мужчина, не дури -
Кури, кури
До синих петухов,
До утренней зари.

А утром был таков -
Шагай легко
И мимо петухов,
И мимо облаков.

Задышит горячо
В твое плечо
Распахнутый рассвет,
Разрезанный лучом.

ДАВНЫМ-ДАВНО, 1963 г

На Востоке, на Востоке
Сосны низкие растут.
Был там порт один далекий,

И бывало в том порту
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно.
Как давно все это было,
Давным-давно...

И бывало, и бывало -
Океанская заря
На рассвете поднимала
Золотые якоря,
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно.
Как давно все это было,
Давным-давно...

Капитаны, капитаны
Приходили в ресторан
И ругали рестораны,
Проклинали океан,
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно.
Как давно все это было,
Давным-давно...

Промелькнули, промелькнули
Целый век и целый год.
Капитаны утонули,
Только в памяти живет
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно.
Как давно все это было,
Давным-давно...

Мой дружище, мой дружище,
Мой товарищ дорогой,
Пусть тебя везде разыщет,
Будет пусть всегда с тобой
Флагов пестрое ветрило,
Золотое полотно.
Как давно все это было,
Давным-давно...

ДОКЛАД, 1963 г.

Разрешите войти, господин генерал.
Ваших верных солдат я всю ночь проверял:
По уставу ли сложены их рюкзаки,
Как побриты усы, как примкнуты штыки.

Они очень годны для атаки ночной,
Для удара в пустыне и в дождь проливной,
На горящую крышу и в полуподвал
Они очень годны, господин генерал.

Они могут из космоса бить по земле,
Они могут из города сделать скелет,
Но секретная служба доносит в досье:
Господин генерал, они думают все.

Они думают все о девчонках в цветах,
Они думают все о весенних садах
И о том, как бы вас уложить наповал...
Разрешите идти, господин генерал!

ДОЧКА БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ, 1963 г.

Ночью вершины светятся,
Влез на Домбай Сатурн,
Чаша Большой Медведицы
Черпает черноту.

Странная невесомая
Синяя бирюза.
Над ледниками сонными
Видятся мне глаза.

Звезды по небу мечутся,
Словно их кто зовет.
Дочка Большой Медведицы
Свита из света звезд.

Звякает полночь струнами,
Гаснет огонь в печи.
Под проливными лунами
Мы всё молчим в ночи.

Дочка Большой Медведицы,
Можешь спросить ребят:
Через года и месяцы
Выдумал я тебя.

Вот уж рассветом метится
Розовый небосвод, -
Дочку Большой Медведицы
Мама домой зовет!

КАРИБСКАЯ ПЕСНЯ, 1963 г.

А начиналось дело вот как:
Погасла желтая заря,
И наша серая подлодка
В себя вобрала якоря.

И белокурые морячки
Нам машут с бережка платком:
Ни происшествий вам, ни качки,
И девять футов под килем.

А потопить нас, братцы, - хрен-то!
И в ураган, и в полный штиль
Мы из любого дифферента
Торпеду вмажем вам под киль.

Мы вышли в море по приказу,
И по приказу - по домам.
Мы возвращаемся на базу,
А на дворе уже зима.

Мы так обрадовались стуже,
Мы так соскучились по ней, -
И пьют подводники на ужин
Фруктово-выгодный портвейн.

КОМАНДИРОВКА, 1963 г.

Никто не ждет меня,
Не курит у огня,
Не дышит на окно,
Не бережет вино.
Стараюсь быть постарше,
Ведь знаю наперед -
Лишь Женя-секретарша
Отметит мой приход.

Ботиночки пылят,
В кармане ни рубля,
Спускаюсь с синих гор
Судьбе наперекор.
Печалью не окован,
Вдоль речки голубой
Иду, командирован
В себя самим собой.

А если вдруг песок
Не сдержит колесо,
Наследники мои
Не ринутся в бои.
Под нос мурлыча марши,
Несу я под плащом
Для Жени-секретарши
Финансовый отчет.

Не устало небо плакать, 1963 г.

Не устало небо плакать
Над несчастьями людей.
Мы идем сквозь дождь и слякоть,
Через грохот площадей.
Мы идем, несем печали,
Бережем их под пальто.
Ни хирурги, ни медали -
Не поможет нам ничто.

Мы с тобой уедем в горы,
К перевалам голубым
И к вершинам тем, с которых
Все несчастья - просто дым,

Все законы - незаконны!
Ну, а память - заживет.
Только жены будут - жены,
Даже с этих высот.

Там сойдет одна лавина,
Встанет новая заря,
И на солнечных вершинах
Наши бедствия сгорят.
Горы, мудры и туманны,
Встанут выше облаков
И залижут наши раны
Языками ледников.

ОСТРОВ ПУТЯТИН, 1963 г.

Снова плывут на закате
Мимо него корабли, -
Маленький остров Путятин
Возле Великой земли.
Плаваем мы не от скуки,
Ищем не просто тревог:
Штопаем раны разлуки
Серую ниткой дорог.

Нам это все не впервые -
Письма с Востока писать.
Тучи плывут грозовые
По часовым поясам.
Свистнут морские пассаты
По городским площадям,
В старых домах адресаты
Почту опять поглядят.

Все мы, конечно, вернемся -
Въедут в закат поезда,
Девушкам мы поклянемся
Не уезжать никогда.
Только с какой это стати
Снятся нам все корабли?
Маленький остров Путятин
Возле Великой земли...

ПЕСНЯ О ПОЭТАХ, 1963 г.

Не замечая бабьего лета,
Синих рассветов, теплых ветров,
Служат поэты в госкомитетах,
Ездят в такси, а чаще в метро.

Им бы, поэтам, плавать бы в море,
Лед бы рубить им на ледниках,
Знать бы им счастье, мыкать бы горе,
Камни таскать бы им в рюкзаках.

Ни за какие крупные деньги
Им не ужиться в этих стенах,
Шапка в меху - да вот не по Сеньке,
Всем хорошо, да только не нам.

Видно, поэтам кто-то накаркал:
Жить - не дожив, идти - не дойдя,
Плакать медведем из зоопарка
По перелескам в серых дождях.

ПОДМОСКОВНАЯ ЗИМА, 1963 г.

По старинной по привычке
Мы садимся в электрички.
Ветры падают с откосов
И поземку беребят,
Про метель стучат колеса,
Только песня не про это,
Не про лето, не про осень -
Про меня и про тебя.

Будет утро греть на печке
Молоко в здоровых кружках,
Нарисует ночь русалку
Под Дейнеку на окне.
Будет все, как ты хотела,
Будет долгий звон хрустальный,
Если стукнуть лыжной палкой
Ровно в полночь по луне.

Вот и вся моя отрада.
Мне навстречу сосны, сосны

И такие полустанки,
Что вообще сойти с ума.
Вот и вся моя программа -
Не комедия, не драма,
А сплошные снегопады -
Подмосковная зима.

ПЯТНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ ОКЛАДА, 1963 г.

А большего нам и не надо,
Пусть большее будет потом.
Пятнадцать процентов оклада
Нам платят за Дальний Восток.
За тайные слезы разлуки,
За явную прядь с серебром,
За наши шершавые руки
Над нашим неярким костром.

Небрежно бросая окурки,
Мы утром уходим в туман,
Мы носим потертые куртки
И любим дразнить океан.
И нет никаких фармацевтов
На праздниках наших ребят,
Все те же пятнадцать процентов
Прислали они за себя.

Ах, шуточки эти не просты -
Нам крепко бы спать по ночам,
Но слышится тяжкая поступь
Седого как лунь трубача.
Он верность трубит, только верность,
И нам выдает вновь и вновь
Пятнадцать процентов за серость
И только тоску за любовь.

СИНИЙ ПЕРЕКРЕСТОК, 1963 г.

Ищи меня сегодня среди морских дорог,
За островами, за большой водою,
За синим перекрестком двенадцати ветров,
За самой ненаглядною зарею.

Здесь горы не снимают снегов седых одежд,
И ветер - лишь неверности порука.
Я здесь построил остров - страну сплошных надежд
С проливами Свиданье и Разлука.

Не присылай мне писем - сама себя пришли,
Не спрашивая тонкого совета.
На нежных побережьях кочующей земли
Который год всё ждут тебя рассветы.

Пока качает полночь усталый материк,
Я солнце собираю на дорогах.
Потом его увозят на флагах корабли,
Сгрузив туман у моего порога.

Туман плывет над морем, в душе моей туман,
Все кажется так просто и непросто...
Держись, моя столица, зеленый океан,
Двенадцать ветров, синий перекресток!

ДА ОБОЙДУТ ТЕБЯ ЛАВИНЫ, 1964 г.

Да обойдут тебя лавины
В непредугаданный твой час!
Снега со льдом наполовину
Лежат, как будто про запас,
По чью-то душу, чью-то душу...
Но, я клянусь, не по твою!
Тебя и горе не задушит,
Тебя и годы не убьют.

Ты напиши мне, напиши мне,
Не поленись и напиши:
Какие новые вершины
Тебе видны среди вершин,
И что поделывают зори,
Твой синий путь переходя,
И как Домбай стоит в дозоре,
Подставив грудь косым дождям.

А мне все чудится ночами
От твоего тепло плеча.
Вот, четыремя крестясь лучами,

Горит в ночи твоя свеча.
Дожди пролистывают даты,
Но видно мне и сквозь дожди -
Стоишь ты, грузный, бородатый,
И говоришь: "Не осуди!"

Ах, пустяки, - какое дело!
И осужу - не осужу.
Мне лишь бы знать, что снегом белым
Еще покрыта Софруджу.
Мне лишь бы знать, что смерть не скоро
И что прожитого не жаль,
Что есть еще на свете горы,
Куда так просто убежать.

ЛИРИЧЕСКАЯ-ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ, 1964 г.

А была она солнышка краше.
Каждым утром по-царски легко
Выпивала стакан простокваши,
Отвергала пятьсот женихов.
Бились ядра о черные скалы,
Гренадеры топтали жнивье...
Три великих страны воевало
За прекрасные губы ее.

Пусть профессоры тут не скрывают
Про ужасное наше житье:
Ведь шестая война мировая
Получилась из-за нее.
По ракетам и антиракетам
Антиантиракеты неслись,
В синих бликах землянского света
На луне пять дивизий дрались.

После этой ужасной батальи
Женихам изменился подсчет,
Кто хотел бы за нежную талью
И касался наследства насчет.
На останках огромных пожарищ
Питекантроп готовил копье...
Шесть родов кровожадных сражались
За прекрасные губы ее.

РАССКАЗ ТЕХНОЛОГА ПЕТУХОВА, 1964 г.

РАССКАЗ ТЕХНОЛОГА ПЕТУХОВА о своей встрече с делегатом форума

Сижу я как-то, братцы, с африканцем,
А он, представьте, мне и говорит:
В России, дескать, холодно купаться,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом мы с ним ударили по триста,
Он, представьте, мне и говорит:
В российских селах не танцуют твиста,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом залили это все шампанским.
Он говорит: вообще, ты кто таков?
Я, говорит, наследник африканский.
Я, говорю, технолог Петухов.
Вот я, говорю, и делаю ракеты,
Перекрываю Енисей,
А также в области балета
Я впереди, говорю, планеты всей,
Я впереди планеты всей!

Проникся, говорит он, лучшим чувством,
Открой, говорит, весь главный ваш секрет!
Пожалуйста, говорю, советское искусство
В наш век, говорю, сильнее всех ракет.
Но все ж, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

ТЫ У МЕНЯ ОДНА, 1964 г.

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в году весна,
Словно в степи сосна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами,
Дальними странами.

В инее провода,
В сумерках города.
Вот и взошла звезда,
Чтобы светить всегда,
Чтобы гореть в метель,
Чтобы стелить постель,
Чтобы качать всю ночь
У колыбели дочь.

Вот поворот какой
Делается с рекой.
Можешь отнять покой,
Можешь махнуть рукой,
Можешь отдать долги,
Можешь любить других,
Можешь совсем уйти,
Только свети, свети!

Как песни, перетертые до дыр, 1965 г.

...Как песни, перетертые до дыр,
Свистали над колышущимся строем!
И запевала - младший командир -
Горланил я про самое простое.
И тем те песни были хороши,
Что музе в них присутствовать не нужно,
Но можно было крикнуть от души.
Бессмысленно. Всем вместе. Очень дружно.
Пропахли дни дыханьем костровым
Смолистых дней в полуночном сожженье
И запахом болотистой травы,
Меж валунов наполненной движеньем.

Спешит и обжигается солдат -
Таранит котелок горячей каши.
На ель свой крест повесил медсанбат,
А вот торчат антенны роты нашей.
И часовой выпрашивал пароль,
И ветер жмет в ущелье непогоду,
И слышен сквозь морзянку рок энд ролл,
Тогда еще входивший в моду.
Радисты мы. Таинственная связь
Рождается под нашими руками:
К столу сражений подаем мы связь -
Напиток драгоценный. Пить глотками.
Но нет войны. Мы курим на подножке
Моей радиостанции. И вот
Рассвет луну засовывает в ножны
Ущелья каменистого того.
Выходит день на праздничную сцену,
И ветры, парусами шевеля,
Качают одинокую антенну,
Колышут вересковые поля.
А в южных городах встают девчонки
И в институты разные спешат,
И крестят, как детей, свои зачетки,
И с ужасом шпаргалками шуршат.
А в северных морях от юта к баку
Штормище ходит, ветрами ревет,
И вахту под названием "собака"
Стоит, упершись в палубы, тралфлот.
Играют зорю юные горнисты,
Чиновник появляется, надут,
И сильные ребята-альпинисты
По гребню пика Башкара идут.
И мир стучит в ладони и в ладошки,
И, кум, как говорится, королю,
На вытертой дорогами подножке
Я - вскоре вольный человек - курю.
В двери темнеет рыльце автомата...
Ах, связь! То перекур, то перегон,
И дорог дружбы воинский закон,
И все же тяжело. На душе - заплатка.
Три долгих года. Связи батальон.
А если вдруг они... а мы... ах, если...
Мы бы - три года строили дома
Иль тискали б девчонок, сидя в кресле,
Или кино пристроились снимать,

Или неслись бы лыжником на фирне,
Или копали важный водоем...
Но все три года я бубню в эфире:
"Цирконий, я Коллекция - прием!"
И слышится мой голос вдохновенный
По всей стране - от Колы до Курил,
Что нам, непритязательным военным,
Выплачивают золотом зари.
Три года. Речка бьет по перекатам.
Горох морзянки сыплется в ночи.
Поет певец. И через все закаты
Мне молодость затворами стучит.

В горах дожди, 1965 г.

В горах дожди, в горах седое небо,
В горах грохочут горы по горам,
Гремит поток, вчера лишь бывший снегом,
Грохочут глины, твердые вчера.

А нам легко! Над нами солнца желоб
И облаков веселые стога,
И лишь река с известием тяжелым,
Как скороход, бежит издалека,

И если я надолго умолкаю,
А вроде солнце светит впереди,
Не говори: "С чего река такая?"
А просто знай - в горах идут дожди,

ГОРНОЛЫЖНАЯ, 1965 г.

А кто там в сером свитере
И в шапочке такой,
Подобно искусителю,
Нам знак дает рукой?

А взмах руки со склона,
Со склона, со склона,
Как будто бы с балкона
Испанского дворца.
А горы, как сеньоры,

Сеньоры, сеньоры,
Глядят на нас с укором,
Судачат без конца.

А кто там в красной курточке
Собой не дорожит?
Рисует, словно шуточки,
На склонах виражи.

Лечу по краю тени я,
По краю синих льдов,
Через переплетения
Сверкающих следов.

Найду себе другую жизнь
У северной воды -
Там не такие виражи
Откалывают льды.

ЗЕЛЕНОЕ ПЕРО, 1965 г.

Кому - чины, кому - награды,
Кому - пробраться в важное бюро,
А нашей Галке ничего не надо,
А ей - зеленое перо.

Не для крыла перо ей надо,
Не для того, чтоб совершать добро.
Всем нам -- по чарке лимонада,
А ей - зеленое перо.

Зажегся Марс на небосклоне,
Как рыбы спят все станции метро.
Пускай другие достают "болоньи",
А ей - зеленое перо.

К ней женихи бегут отарой.
Суют ключи ей от других миров.
Пою ей песни сам я под гитару,
А ей - зеленое перо.

Она пройдет с пером в берете
Сквозь этот мир, устроенный хитро.
Вот почему - нам все проблемы эти,
А ей - зеленое перо.

На этом свете нет чудес, 1965 г.

На этом свете нет чудес,
Хотя поверий груда.
Стоит плотина до небес,
Но это ведь не чудо.
Я по ледовым гребням лез,
Я знаю слов значение.
На этом свете нет чудес -
Одно лишь исключенье.

Никем не узнан, не любим,
Сомненьями богатый,
Я жил смотрителем лавин
И сторожем заката.
Стояли горы у дверей,
Зажав долины-блюда,
Как совещание зверей,
И звери ждали чуда.

И чудо вышло на порог,
Зажмурилось от снега.
И чудо сделало снежок
И запустило в небо.
Снежок распался на снежки...
И тот рисунок школьный
От звезд отламывал куски,
И было больно-больно.

А чудо, весело смеясь,
Конфеточку сосало,
Толкало в пропасти меня,
Но в пропасть не бросало.
Снега ударили с небес,
Мир задрожал от гуда.
На этом свете нет чудес -
Одно лишь, в общем, чудо!

ПЕСНЯ О ПРОХОЖЕМ, 1965 г.

Путь прохожего несложен -
От угла и до угла.
Он идет себе, прохожий, -
Вот и все его дела.

Но он может быть при этом
И не признанным в лицо
Барабанщиком, поэтом,
Мушкетером и певцом.

Добрый путь тебе, прохожий,
Незнакомый мне пока.
Я в пути сегодня тоже -
Вот тебе моя рука.

Он в дома любые вхожий,
По пути ему со мной.
Он беду - хоть и прохожий -
Не проходит стороной:
Он всегда тебе поможет,
Он всегда поможет мне...
Уж не так-то прост прохожий
В молодой моей стране!

На дома закат положит
Яркий свет своих огней.
Вспоминаю я прохожих,
С кем прошел немало дней,
С кем делил тепло улыбок,
С кем махоркою коптил
И кому сказал "спасибо",
Расставаясь на пути.

СЕРЕГА САНИН, 1965 г.

С моим Серегой мы шагаем по Петровке,
По самой бровке, по самой бровке.
Жуем мороженое мы без остановки -
В тайге мороженого нам не подают.

То взлет, то посадка,
То снег, то дожди,
Сырая палатка,
И почты не жди.
Идет молчаливо
В распадок рассвет.
Уходишь - счастливо!
Приходишь - привет!

Идет на взлет по полосе мой друг Серега,
Мой друг Серега, Серега Санин.
Серге Санину легко под небесами,
Другого парня в пекло не пошлют.

Два дня искали мы в тайге капот и крылья,
Два дня искали мы Серегу.
А он чуть-чуть не долетел, совсем немного
Не дотянул он до посадочных огней.

То взлет, то посадка,
То снег, то дожди,
Сырая палатка,
И почты не жди.
Идет молчаливо
В распадок рассвет.
Уходишь - счастливо!
Приходишь - привет!

СИНИЕ ГОРЫ, 1965 г.

Я помню тот край окрыленный,
Там горы веселой толпой
Сходились у речки зеленой,
Как будто бы на водопой.
Я помню Баксана просторы,
Долины в снегу золотом...
Ой горы, вы синие горы,
Вершины, покрытые льдом.

Здесь часто с тоской небывалой
Я думал, мечтал о тебе.
Туманы ползли с перевалов
Навстречу неясной судьбе.
Звенели гитар переборы,
И слушали их под окном
Ой горы, ой синие горы,
Вершины, покрытые льдом.

Пусть речка шумит на закатах
И блещет зеленой волной.
Уходишь ты вечно куда-то,
А горы повсюду со мной.
Тебя я увижу не скоро,
Но счастлив я только в одном:

Ой горы, ой синие горы,
Вершины, покрытые льдом.

ТАКСИ, 1965 г.

- Свободен? - Куда везти?
- Да прямо давай крути.
- А... прямо. По пути.
Поедем, не загрустим.

И крутится в стеклах снег.
- Наверно, спешишь к жене?
- Ошибка, жены-то нет.
- К знакомой? - Опять не к ней.

- Сегодня у нас среда?
- Сегодня у нас беда.
- Да брось ты, все ерунда.
А все же везти куда?

А счетчик такси стучит,
И ночь уносит меня.
От разных квартир ключи
В кармане моем звенят.

- Направо? - Нельзя никак.
- Налево? - Одна тоска.
Давай-ка вперед пока,
Прибавь-ка, браток, газка.

ТОСТ ЗА ЖЕНЬКУ, 1965 г.

- Так выпьем, ребята, за Женьку!
За Женечку пить хорошо!
Вы помните, сколько сражений
Я с именем Женьки прошел.
И падали годы на шпалы,
И ветры неслись, шелестя...
О, сколько любимых пропало
По тем непутевым путям!

И в грохоте самосожженья
Забыли мы их навсегда.
Но Женя... Вы помните? Женя...
Я с ней приходил ведь сюда -
Тогда, в девятнадцатом веке...
Да вспомните вы, черт возьми!
Мне дом представляется некий -
В Воронеже или в Перми.

То утро вставало неброско,
Лишь отсветы на полу,
"Голландкою" пахло и воском,
И шторой, примерзшей к стеклу.
А мы будто только с охоты.
Я помню такой кабинет...
И пили мы мерзкое что-то,
Похожее на "Каберне".

Но все же напились порядком,
И каждый из нас толковал:
"Ах, ах, молодая дворянка,
Всю жизнь я такую искал..."
Ну, вспомнили? То-то. И верно,
Ни разу с тех пор не встречал
Я женщины более верных
И более чистых начал.

Не помню ничьих я объятий,
Ни губ я не помню, ни рук...
- Так где ж твоя Женька, приятель?
Сюда ее, в дружеский круг!
- Да где-то гуляет отважно,
На пляже каком-то лежит...
Но это неважно, неважно:
Я крикну - она прибежит.

- Ну что, гражданин, ты остался
Один. Закрывать нам пора!
- А он заплатил? - Рассчитался.
Намерен сидеть до утра?
- Да нет.

По привычке нахмурясь,
Я вышел из прошлого прочь...
Гостиница "Арктика", Мурманск.
Глухая полярная ночь.

ТРАЛФЛОТ, 1965 г.

Ты думаешь так: капитанская кепка,
Прощальный гудок, в море вышел рыбак.
Ты в этом во всем ошибаешься крепко, -
Все вроде бы так, а вообще-то не так.

Я в рубке стою, я ору беспрестанно,
Я чистый пират: пистолет и серьга.
Матросов своих, наименее пьяных,
Я ставлю на вахту - стоять на ногах.

Держитесь, ребята, пока не отчалим!
Тралмейстер толкнул сапогом материк.
Два дня нас качали земные печали,
Теперь успокоит нас Север-старик.

По белой ладони полночного моря
Плывет мой корабль - представитель земли,
И Кольский залив нам гудками повторит
Слова, что нам жены сказать не могли.

Слова, что любовницы недошептали,
Слова, что текли по подушке слезой,
И даже слова, о которых молчали
Спокойные девушки, что на разок.

А нам-то чего - мы герои улова,
Нам море пахать поперек изобат.
Мы дали начальству железное слово -
Превысить задание, судьба не судьба.

Вот так мы уходим, мой друг, на рыбалку,
Вот так будет завтра и было вчера.
И вахту ночную с названием "собака"
Стоим и хватаемся за леера.

И если осудит нас кто за усталость, -
Пожалуйте бриться, вот мой пароход.
Ты с нами поплавай хоть самую малость,
Потом же, товарищ, сердись на тралфлот.

ТРАССА ХОРОГ-ОШ, 1965 г.

А зимою трасса белая,
А в июле трасса пыльная,
На подъемы очень смелая,
Аварийностью обильная.

Снегопадами известная
И жарою знаменитая,
Для разъездов очень тесная,
Над обрывами пробитая.

Вдоль по этой трассе-трассушке,
Замерзая у обочины,
Всё стоят большие камушки,
Ледниками порасточены.

Ох ты, трасса моя, трассина,
Путь-дороженька Памирова -
То ледник имени Красина,
То хребет имени Кирова.

Ох ты, трасса бесконечная,
Боль-тоска моя студеная,
То любовь моя беспечная,
То жена неразведенная.

Надоела ты мне до смерти -
Всё задачи раззадачивай,
Серпантинные росписи
Всё в глухую заворачивай.

Да кончай же ты, корявая,
Прыгать ломаную веткою!
Мне не жаль себя, кудрявого,
Жаль машину мне советскую.

ТРЕТИЙ ШТУРМАН, 1965 г.

Я родился на волжском просторе
И, конечно, в душе капитан.
Шла ты, Волга, в Каспийское море,
А пришла в мировой океан.

Во дворе, меж военных развалин,
Где белье, где стучит домино,
Паруса путешествий вставляли,
И вставала страна за страной.
То на "Бигле", а то на "Палладе" я
Вез в мечтах романтический груз.
И явилась однажды Исландия.
Покачнуло корабль "Златоуст",
И не вышел я к ней на свидание.
Я лежу - кандидат в мертвецы.
Трое суток лежу без сознания.
Только слышу: аппендицит.
Только вижу: фельдшер-милаха
Все меняет на мне белье,
Лед заталкивает под рубаху,
Над термометром слезы льет.
И лежит рядом кореш мой, Мишка,
Говорит, как на страшном суде:
"Нам обоим, выходит, крышка.
Оперировать надо. А где?"
Но на грани бреда и яви
Слышим - будто с самих облаков,
Что согласен город Рейкьявик
Попытаться спасти рыбаков.
Нас с Мишаней перегружали -
Осторожно, не расплескать!
Тормоза у машин визжали,
И трубил "Златоуст": "Пока!"
Умирал. Воскресал опять я.
Падал с солнца на снежный наст.
В госпитальном лифте распятие
Очень грустно смотрело на нас.
Операция. Утро. "Можете
Их кормить". И томатный сок
Нам давали из чайных ложечек,
Причитая: "Храни вас Бог!"
Нам идут и идут послания
От чужих людей, от дружков.
Нам здоровья желает Исландия,
Край потомственных рыбаков.
Но приходит конец печали, -
"Полежал, браток, на боку!"
Мы по русскому хлебу скучали
И по русскому языку.
И не можете вы представить

Это чувство: опять спасен!
До свидания, город Рейкьявик,
И спасибо тебе за все!

ХАЛА-БАЛА, 1965 г.

Заблестели купола -
Глядь, страна Хала-бала:
Отворяют ворота,
Выплывают три кита,
А на них Хала-бала.

У страны Халы-балы
Невеселые дела:
Ни прописки, ни угла,
Ни рекламного села -
Лишь одна Хала-бала.

В той стране Хале-бале
Сорок восемь королей.
С ними всеми, весела,
Королева там жила,
Но и та - Хала-бала.

Зато уж мужики там молодцы,
Все они халабальцы:
Начищают купола
И звонят в колокола -
Вот и все у них дела.

Что ж делать нам, 1965 г.

Что ж делать нам? Железный путь великий
Трясет теплушку множество часов.
Закат распял оранжевые блики
В окне, за краем северных лесов.

Что ж делать нам? Мы курим папиросы.
Сидим. Лежим на разные лады.
Решаем наболевшие вопросы:
Как скучно. Как достать ведро воды.

Какие бабы есть теперь на свете

В балете, скажем, или в оперетте.
Кого напоминают облака
И как от жестких нар болят бока.

Гремит состав по сопкам по горбатым,
Лежат на полках наши автоматы.
Лежат, пока черед их не настал.
Ведь через час - условленный сигнал!

Ведь через час - прыжок на талый снег.
Противник справа (справа же успех!)
Ура, ура! Беги, мой друг, беги,
Пусть хвоя приглушит твои шаги,

Шаги-прыжки по странным облакам,
Как будто ты - сплошной невеликан -
Бежишь на великанский пулемет, -
Захочет он - Галактику убьет!

Но в прорези прицела - не звезда,
А в прорези - травинка-лебеда,
А над травой - вершина бытия:
В зеленой каске голова твоя.

Стальной боек грохочет исступленно
В пустые окна холостых патронов,
И гильзы вылетают. Мы - шутя!
Играются два малые дитя -

Армейская дивизия с полком.
Армейская коллизия с дымком.
Потом, с врагом обнявшись, мы поем,
Петрозаводскую мы водку пьем

И, пулеметы вытащив из рва,
Потом с врагом прослужим года два
И демобилизуемся. И скоро -
Живет в нас город. И мы сами - город.

Мы ходим на гражданскую работу,
Мы водку пьем за северную роту,
Которая в густых снегах потела
И, в общем, воскресала всякий раз.
...И в прорезь нешутейного прицела
Внимательно рассматривала нас.

Я ГЛЯЖУ СКВОЗЬ ТЕБЯ, 1965 г.

Я гляжу сквозь тебя, вижу синие горы,
Сквозь глаза, сквозь глаза - на пространство земли,
Где летят журавли, где лежат командоры,
Где боками стучат о причал корабли.

Гребни каменных гор машут сорванным снегом,
В мачтах молний встает как дредноут гроза,
И плывут облака по глазам как по небу,
И стекает с луны золотая слеза.

Я иду сквозь тайгу по весне белокрылой,
По колено в воде по разливам бреду...
Я иду сквозь тебя, пока есть мои силы,
Даже если уже никуда не иду.

АЗИАТСКАЯ ПЕСНЯ, 1966 г.

Ты как хочешь: пиши не пиши,
Только вслед мне рукой помаши.
Самолет, мой отчаянный друг,
Высоту набирает, звеня.
Самолет улетает на юг,
Где давно ожидают меня

Азиатские желтые реки,
Азиатские белые горы,
Раз увидел - так это навеки,
А забудешь - так это не скоро.
Азиатские пыльные тропы,
Азиатские старые люди,
И кусочек моей Европы
У пропеллера в белом блюде.

Мне закаты читают Коран,
Мне опять - вечера, вечера.
Вот налево разлегся Тибет,
И виднеется справа Сибирь,
И тоска по тебе, по тебе,
И разлучные версты судьбы.

Я с друзьями хожу и пою,
Я зарю бирюзовую пью,
И вот здесь, посреди ледников,
Что висят перед нами стеной,
Я плыву к тебе, как ледокол,
Оставляя, представь, за спиной

Азиатские желтые реки,
Азиатские белые горы,
Раз увидел - так это навеки,
А забудешь - так это не скоро.
Азиатские пыльные тропы,
Азиатские старые люди,
И кусочек моей Европы
У пропеллера в белом блюде.

БРИГИТТА, 1966 г.

Приходи ко мне, Бригитта,
Как стемнеет, приходи.
Все, что было - позабыто.
Все, что будет - впереди.
От рассвета до заката
Всюду грустно на земле.
Лишь глаза твои - как карта
Для заблудших кораблей.

Но старпом не верит липе,
Ночь старпому не указ.
Я несусь, как чайный клипер,
Ну не клипер, так баркас.
На борту пылают битвы,
Разногласья до крови...
Паруса мои пробиты
Бомбардиршами любви.

Я несусь куда-то мимо
И с похмелья поутру
Городницкого и Кима
Песни громкие ору.
Мне подтягивает свита,
Бьет бутылки до зари...
О Бригитта, о Бригитта,

Путь мой дальний озари!

Но я устал от этой роли,
Не пират я в этот раз.
Я сажусь на мотороллер,
Нажимаю полный газ,
Обгоняю пару МАЗов,
Привожу в инфаркт ГАИ...
Ох, какая ты зараза,
Даже рифмы не подобрать!

ГОРНОЛЫЖНИК, 1966 г.

О, как стартует горнолыжник!
Он весь в стремительном броске,
И дни непрожитые жизни
Висят, висят на волоске,
И снега жесткая фанера
Среди мелькающих опор...
Он разбивает атмосферу -
Непостижимый метеор.

Лети, но помни, крепко помни,
Что все дается только раз:
И снега пламенные комья,
И эта страшная гора.
Но мир не виден и не слышен:
Минуя тысячу смертей,
Ты жизнь свою несешь на лыжах,
На черных пиках скоростей.

Зачем ты эту взял орбиту?
К чему отчаянный твой бег?
Ты сам себя ведешь на битву,
И оттого ты - человек.
Несчастий белые кинжалы,
Как плащ, трепещут за спиной...
Ведь жизнь - такой же спуск, пожалуй,
И, к сожаленью, скоростной.

ПАРОДИЯ НА А.ГАЛИЧА, 1966 г.

А маманя мечет баночку икорочки,
Да не всем гостям дает, а по выбору:

Этот парень, говорит, нашей Лорочке
Агуджаву достает ей и Визберга.

Ну, тут гости все ко мне обращаются,
Будто я им Бышовец или Зыкина.
Ну а Лорка под столом все щипается,
Мол, завязывай налево позырживать.

А я сверлю сквозь телевизор взором,
И мысль моя ясна как бирюза:
Пора хватать подшивку "Кругозора"
И оторвись, куда глядят глаза...

ПАРОДИЯ НА Ю.КИМА, 1966 г.

Иди ко мне, любовь моя,
Иди, красотка-недотрога.
Теперь посмотрим - ты и я -
Что в нас от черта, что от Бога?

Твой муж, я слышал, очень строг,
И в нашем деле он - новатор.
Он только гладит, что и смог,
Как говорится - гладиатор.

Когда в долине грянет бой,
Ты знай, что мы стоим, не ноем,
Хоть и с разбитой головой,
Но, слава Богу, не с пустою.

А зима будет, 1967 г.

А зима будет большая...
Вот, гляди-ка, за рекой
Осень тихо умирает,
Машет желтою рукой.

Плачут мокрые осины,
Плачет дедушка Арбат,
Плачет синяя Россия,
Превратившись в листопад.

И, сугробы сокрушая,
Солнце брызнет по весне...
А зима будет большая -
Только сумерки да снег.

ВСЁ НАВСТРЕЧУ ОБЛАКА, 1967 г.

Я сижу, ох, хорошо я сижу!
Не ворочаюсь, лишь глазом вожу.
Глянешь влево - все собачья мура,
А направо - все тундра да тундра.
Закурю я сигаретку "Трезор",
Погляжу я на капот-горизонт.
Не встречается любовь мне пока...
Всё навстречу облака, облака.

Мне в отряде говорят кореша:
- Ты, Аркадий, просто парень-душа.
Ты пилот, - мне говорят, - золотой
И вообще ты молоток холостой.
Ну а я на топчане все лежу,
Все мужей к законным женам вожу.
Не встречается жена мне пока...
Всё навстречу облака, облака.

Я за столик преотлично сажусь,
Будто я на ВПП захожу:
- Я гражданку вроде видел в кино?
Познакомимся! Пилот Иванов.
Да не суйся ты червонцем, не гады!
Вот полярные - так это ж деньга!
Дайте девочке моей коньяка.
Всё навстречу облака, облака...

ИРКУТСК, 1967 г.

А ты говоришь: "Люблю!"
А я говорю: "Не лги!"
Буксирному кораблю
Всю жизнь отдавать долги.
Приставлен мой путь к виску,
Дороги звенит струна

Туда, где встает Иркутск,
По-видимому, спяна.

Ах, как бы теперь легла
Рука на твое плечо!
Земля до того кругла,
Что свидимся мы еще.
По мокрому по песку
Твой след замела волна,
И грустно вздохнул Иркутск,
Наверно-таки, спяна.

А ты говоришь: "Постой!"
А я говорю: "Дела!"
Лечу в черноте пустой,
Как ангел, но без крыла.
И день без тебя - в тоску,
И ночь без тебя больна.
Навстречу летит Иркутск,
Уж точно-таки, спяна.

ПЕСНЯ АЛЬПИНИСТОВ, 1967 г.

Вот это для мужчин -
Рюкзак и ледоруб,
И нет таких причин,
Чтоб не вступать в игру.
А есть такой закон -
Движение вперед,
И кто с ним не знаком,
Навряд ли нас поймет.

Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры.
До после восхожденья,
До будущей горы!

И нет там ничего -
Ни золота, ни руд,
Там только-то всего,
Что гребень слишком крут.
И слышен сердца стук,

И страшен снегопад,
И очень дорог друг,
И слишком близок ад.

Но есть такое там,
И этим путь хорош,
Чего в других местах
Не купишь, не найдешь:
С утра подъем, с утра,
И до вершины бой.
Отыщешь ты в горах
Победу над собой.

Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте,
Но обещайте помнить
И не гасить костры.
До после восхожденья,
До будущей горы!

ШКОЛА КОБЕРИДЗЕ, 1967 г.

Это школа,
Школа Коберидзе,
Школа Коберидзе,
Вам говорят.
Чтобы не "напидзе",
Не "опохмелидзе",
Это "не годидзе",
Вам говорят.

Миша, Миша,
Миша Калатозов,
Отснимите дубель,
Вам говорят,
Ведь за этот дубель
Платят большой рубель
В итальянских лирах,
Вам говорят.

Питер, Питер,
Амо мольте выпить,
Амо мольте выпить,
Вам говорят.

К вам, начаелита,
Выпить асидити,
Чиа дольче вита,
Вам говорят.

Это школа,
Школа Коберидзе,
Школа Коберидзе,
Вам говорят.
Чтобы не "напидзе",
Не "опохмелидзе",
Это "не годидзе",
Вам говорят.

А море серое, 1968 г.

А море серое
Всю ночь качается,
И ничего вокруг
Не приключается.
Не приключается...
Вода соленая,
И на локаторе
Тоска зеленая.

И тихо в кубрике
Гитара звякает.
Ах, в наших плаваньях
Бывало всякое.
Бывало всякое,
Порой хорошее,
Но только в памяти
Травой заросшее.

И молчаливые
Всю навигацию,
Чужие девочки
Висят на рации.
Висят на рации -
Одна в купальнике,
А три под зонтиком
Стоят под пальмами.

А море серое

Всю ночь качается,
Вот и ушла любовь -
Не возвращается.
Не возвращается...
Погода портится.
И никому печаль
Твоя не вспомнится.

КОРАБЛИ РАССТАЮТСЯ КАК ЖЕНЩИНЫ, 1968 г.

Корабли расстаются, как женщины:
Всё судачат, всё хрипло кричат.
Кораблям где-то встречи обещаны,
И рюкзак брошен в угол с плеча.

А за окнами Арктика, бесконечные льды,
Черно-белая графика невеселой воды.
Только где-то на Севере, далеко-далеко,
Будто солнце просеяли решета облаков.

Ты стоишь, словно белая истина.
Ты молчишь, как великая скорбь.
Подожди, дай разлуку мне выстрадать:
Путь до встречи нелегок, не скор.

Ну прощай! Небо хмурится к вечеру,
И гудки надо льдами скулят.
Ну прощай! Здесь и сравнивать нечего:
Мы и есть - эти два корабля.

А за окнами Арктика, бесконечные льды,
Черно-белая графика невеселой воды.
Только где-то на Севере, далеко-далеко,
Будто солнце просеяли решета облаков.

Нажми, механик, тормоз наконец, 1968 г.

Нажми, механик, тормоз наконец:
Набила зад студёная волна.
Слезайте, граждане, приехали, конец, -
Гора Чегет, кафе "Луна".

Кафе "Луна" и "чайники" вокруг,
Слетают шлемы прямо в пропасть,
А горнолыжники приюта не найдут -
Опорожняют емкости.

И, костылем по палубе стуча,
Идет хозяйка этих дивных мест,
На желтой лыжине танцует ча-ча-ча,
И рыбий жир пьет как "Самтрест".

Пройдет апрель, настанет месяц май,
Ты снимешь гипс, наденешь "эпокси",
Но ты смотри вторую ногу не ломай:
По целику уж Боже упаси!

Потом сюда придет Жан-Клод Килли,
Пойдет на Шхельду в снеговую пыль.
Но только ты его за это не пили -
Ведь это он ходил годиль.

ПЕСНЯ О СЕВЕРОМОРЦАХ, 1968 г.

И снова тревожные метеосводки
Предчувствуют ветров полет.
Обросшие льдами подводные лодки
Уходят под паковый лед.

Под звездами где-то пилоты летят,
Локаторный верен дозор.
Стальными глазами ракеты глядят
За черный от бурь горизонт.

И штурман проложит далекий маршрут,
Где ветер в лицо да в лицо.
Идут корабли, и подлодки идут
Дорогой героев-отцов.

Покуда наше сердце бьется,
Мы будем здесь стоять, сильны,
Мы - моряки-североморцы,
Северовоины страны.

ВЕЛОСИПЕД, 1970 г.

Пахнет луна сосной.
По тишине лесной
Катятся по тропе
Я и велосипед.

Медленно цепь кручу -
Еду, куда хочу.
Шины на колесе
Ширкают по росе.

То ли вдали лиман,
То ли вблизи туман,
То ли блестит костел,
То ли горит костер.

Кто же там, у костра?
Это ж моя сестра.
Нет уж, моя жена.
Нет, это просто весна.

Рядом сидит пацан,
Худенький сам с лица
И кандидат в мужья.
Боже, да это ж я!

Я на себя гляжу.
Нету чудес, - твержу.
Нету чудес, а все ж
Я это, я - похож.

Дым от костра встает.
Парень обнял ее,
Пальцами у лица,
Вот и целуются.

Я не пошел к костру,
Я зашагал к утру,
Мимо огня в крови,
Мимо своей любви.

ВОСКРЕСЕНЬЕ В МОСКВЕ, 1970 г.

Звук одинокой трубы...
Двор по-осеннему пуст.
Словно забытый бобыль,
Зябнет березовый куст.

Два беспризорных щенка
Возятся в мокрой траве.
К стеклам прижата щека...
Вот воскресенье в Москве.

Вот телефонный привет -
Жди невеселых гостей.
Двигает мебель сосед,
Вечером будет хоккей.

О, не молчи, мой трубач!
Пой свою песню без слов,
Плачь в одиночестве, плачь, -
Это уходит любовь.

Мне бы, неведомо где,
Почту такую достать,
Чтобы заклеить тот день,
Чтобы тебе отослать.

Ты-то порвешь сгоряча
Этот чудесный конверт
С песней того трубача
И с воскресеньем в Москве...

Вот зажигают огни
В ближних домах и вдали.
Кто-то в квартиру звонит -
Кажется, гости пришли.

ВЕСЕЛАЯ ЛЮБОВЬ МОЯ, 1970 г.

Веселая любовь моя,
Зеленая и белая,
Где ж ты живешь, в каких краях?
Что ж ты без меня делаешь?

Кто там стоит в тени берез,
В том пиджачке вельветовом?
Чьи это клятвы произнес
Ветер хмельной под ветками?

Где-то вдали, совсем вдали,
Над проливными ивами,
Ходят веселые корабли
В эту страну счастливую.

Веселая любовь моя,
Зеленая и белая,
Где ж ты живешь, в каких краях?
Что ж ты без меня делаешь?

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ, 1970 г.

Вот прекрасная оценка
Наших бедствий на бегу -
Католическая церковь
На высоком берегу.

Что-то светлое так манит
Через темное окно -
Католическая пани,
Словно белое вино.

Католичка - не простая,
А загадочная сплошь -
Назидательно листает
Католическую ложь.

"О мой друг, я понимаю,
Ваше чувство не ново.
Я внимательно внимаю,
Но не более того".

А потом в траве пожухлой
Мы лежали у сосны,
Было тихо, было жутко
От такой голубизны.

И с тех пор одна зацепка:
Разыскать я не могу

Католическую церковь
На высоком берегу.

Что ни баба - то промашка,
Что ни камень- то скала:
Видно, черная монашка
Мне дорогу перешла.

Дай мне Бог держаться цепко,
Подари мне сквозь пургу
Католическую церковь
На высоком берегу.

Не провожай, 1970 г.

Не провожай меня, не провожай.
Ты жди меня, а провожать не надо.
Лежит земля, туманами свежа,
Лежит моя дорога, как награда.
Но каждый день, прожитый без тебя,
Еще придет со мною расплатиться,
Еще вдали мне ветры протрубят,
Что, уезжая, надо бы проститься.

Мой странный мир обрадуется мне,
Придут рассветы у огня погреться,
И по гитарной старенькой струне
Сползет роса и упадет на сердце.
И запоют ребята у костра,
И затрубит лосиха электричкой,
И будто бы ни пуха ни пера
От старых дней и от моих привычек.

Но каждый день наращивает стон,
И он растет стремительно и грозно,
И я кричу в помятый микрофон:
"Ты приезжай, пока еще не поздно!
Пока луна как острие ножа,
Пока ледок на лужах утром тает,
Пока земля туманами свежа,
Пока к нам вертолеты прилетают".

О, посмотри, какие облака, 1970 г.

О, посмотри, какие облака
Возведены вдоль нашего романа,
Как будто бы минувшие века
Дают нам знак, таинственный и странный.

И странное обилие цветов,
И странно, что кафе не закрывают.
И женщины в оранжевых пальто
Бесшумно, как кувшинки, проплывают.

О, посмотри хотя бы на себя
В минутном отражении витрины,
Где манекены редкие скорбят
И катятся волнистые машины,

Где тонкая колеблется рука
Среди незамечательных прохожих,
Где ты стоишь, похожа на зверька
И на смешного ангела похожа.

Прошу тебя, пожалуйста, спаси,
Не брось меня на каменную муку...
Но женщина, ведущая такси,
Находит дом с названием "Разлука".

И ты уходишь весело, легко -
Пустеет двор, пустеет мирозданье.
И ласковые днища облаков
Всю ночь стоят над миром в ожиданье.

О, посмотри, какие облака
Возведены вдоль нашего романа,
Как будто бы минувшие века
Дают нам знак, таинственный и странный.

ОСЕННИЕ ДОЖДИ, 1970 г.

Видно, нечего нам больше скрывать,
Все нам вспомнится на страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым - исполнение надежд.
Видно, прожитое - прожито зря,

И не в этом, понимаешь ли, соль.
Видишь, падают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит средь лесов.

Мы затопим в доме печь, в доме печь,
Мы гитару позовем со стены.
Все, что было, мы не будем беречь,
Ведь за нами все мосты сожжены,
Все мосты, все перекрестки дорог,
Все прошептанные клятвы в ночи.
Каждый предал все, что мог, все, что мог, -
Мы немножечко о том помолчим.

И слуга войдет с оплывшей свечой,
Стукнет ставня на ветру, на ветру.
О как я тебя люблю горячо, -
Это годы не сотрут, не сотрут.
Всех друзей мы позовем, позовем,
Мы набьем картошкой старый рюкзак.
Спросят люди: "Что за шум, что за гром?"
Мы ответим: "Просто так, просто так!"

Просто нечего нам больше скрывать,
Все нам вспомнится на страшном суде.
Эта ночь легла, как тот перевал,
За которым - исполнение надежд.
Видно, прожитое - прожито зря,
Но не в этом, понимаешь ли, соль.
Видишь, падают дожди октября,
Видишь, старый дом стоит средь лесов.

ПЕСНЯ ОБ ОСЕНИ, 1970 г.

Лето село в зарю,
За сентябрь, за погоду.
Лето пало на юг,
Словно кануло в воду.
От него лишь следы
Для тебя, дорогая,
Фиолетовый дым -
В парках листья сжигают.

Вороха те легки
Золотых эполетов

И горят, как стихи
Позабытых поэтов.
Бессердечен и юн,
Ветер с севера дует,
То ль сгребают июнь,
То ли август скирдует.

Словно два журавля
По веселому морю,
Словно два косаря
По вечернем полю,
Мы по лету прошли -
Только губы горели,
И над нами неслись,
Словно звезды, недели.

Солнца желтый моток -
Лето плыло неярко,
Словно синий платок
Над зеленой байдаркой.
И леса те пусты,
Все пусты, дорогая,
И горят не листья -
Наше лето сжигают.

Что такое маскарад, 1970 г.

Что такое маскарад?
Из него ведь следует:
Маска к маске - маске рад.
Это кто? Исследуем.

Как зовут тебя, мимоза,
Краля окаянная?
Роза, Роза, Роза Николоза,
Роза Валерьяновна.

Отбиваясь от подруг,
Вижу твой платочек.
Ведьмы - бабы все вокруг,
Лишь один цветочек.

Я ДУМАЮ О ВАС, 1970 г.

Разрешите вам напомнить о себе,
О своей незамечательной судьбе.
Я как раз на верхней полочке лежу,
В данном случае бездельничаю - жуть!

Люди заняты поиском дорог,
Люди целятся ракетой в лунный рог,
Люди ищут настоящие слова,
Ну, а я лежу и думаю о вас.

С этой мысли пользы, право, никакой.
Вот промчался скорый поезд над рекой.
О реке бы мне подумать в самый раз,
Ну, а я лежу и думаю о вас.

А народу - просто полное купе,
Кто-то в карты, кто-то хочет просто спеть,
Чья-то нежная клонится голова,
Ну, а я лежу и думаю о вас.

Я-то думаю, что думаете вы,
Как вы были замечательно правы,
Рассказав мне поучительный рассказ,
Что не нужно больше думать мне о вас,

Что любовь ненастья быстренько сотрут,
Что единственное счастье - это труд.
Я, ей-богу, понимал вас в этот час,
Но, представьте, я-то думал все о вас.

БЕЛЫЙ ПАРОХОДИК, 1971 г.

- Здравствуй, белый пароходик,
Увези меня отсюда
В край, куда ничто не ходит -
Ни машины, ни верблюды,
Где кончаются концерты,
Не снимаются картины,

Где играют с чистым сердцем
Синебокие дельфины.

- Здравствуй, мальчик на причале,
Здравствуй, мальчик поседевший,
Расскажи ты мне вначале -
Что там в мире надоевшем?
Я один, по мне топочут
Ноги-ноги, грузы-грузы...
У спины моей хлопочут
Невеселые медузы.

- Что там в мире? Все как было,
Только ветры стали злее,
Только солнце чуть остыло,
Только вымокли аллеи.
Я один, по мне топочут
Ночи-ночи, муки-муки...
За спиной моей хлопочут
Ненадежнейшие руки.

- Грустный мальчик, до свиданья,
Не возьму тебя с собою.
Где-то слышатся рыдания
Над нелепою судьбою.
Размножает громкий рупор
Расфальшивые романсы,
И выходит с шуткой глупой
Человек для конференса.

- Пароходик, мой любимый,
Что же ты сказал такое?
Не плыви куда-то мимо,
Я хочу в страну покоя.
Глупый мальчик, я ведь тертый,
Тертый берегом и морем,
Я плыву от порта к порту,
Я иду от горя к горю.

ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ, 1972 г.

Когда на море качка
И темень впереди,
Поди тоску запрячь-ка,
Поди не пропади.
Но средь валов кипящих
В ночную темноту
Глядит впередсмотрящий,
Стоящий на посту.

Глубины человека
Невидимы на взгляд,
Но в людях, словно в реках,
Течения бурлят.

В одних они похожи
На звонкую строку -
Грохочут в пенном ложе
И камни волокут.
В других лежит порою,
Недвижная всегда,
Заросшая травой
Стоячая вода.

И, пенясь на просторе,
Гранит круша и лед,
Шумит людское море,
Покой не признает.
Гляди на компас чаще,
Сверяй по сердцу путь,
Не спи, впередсмотрящий,
Не вздумай отдохнуть!

В томах морских инструкций
И в сотнях карт морских -
Нигде в них не найдутся
Глубины вод людских.
И путник, вдаль спешащий,
Проходит рубежи.
Ему, впередсмотрящий,
Дорогу укажи.

ДЛИННОКЛЮВАЯ ПТАХА, 1972 г.

Длинноклювая птаха летит средь небес,
Длинноклювая птаха - искатель чудес.
Видно, время настало перемены одежд -
Отвалить от причала по курсу надежд.

Заблестит под тобою ширь далеких миров,
За кормою - погоня из веселых ветров, '
И ведет нас без страха через ночи и дни
Длинноклювая птаха - смешной проводник.

Будут слезы забыты и кресты не спасут,
И кровавые битвы друзей унесут,
Но восстанет из праха среди новых небес
Длинноклювая птаха - искатель чудес.

Ни пиров, ни награды не будет в пути,
Почему же отрадно мне с тобою идти?
То ли к славе, то ль к плахе наши двинут следы...
Длинноклювая птаха - мужчин поводырь.

ЗАЙКА, 1972 г.

Кем приходишься мне ты - не знаю,
Но приходишься кем-то навек.
Так туманная речка лесная
Прибегает к скрещению рек.
Звезды чиркают по небу косо,
И созвездья висят за окном.
Ты мой космос, дружок, ты мой космос,
Ты мой космос, я твой астроном.

Изучаю тебя, обличая
В самом полном собранье грехов,
Но меж дней череды замечаю
Запустенье иных берегов.
В суетных приключеньях так просто
Мне тебя подарил горизонт.
Ты мой остров, дружок, ты мой остров,
Ты мой остров, я твой Робинзон.

Я по улицам бешеным шляюсь,
Я впросак попадаю не раз.

Я побег от тебя замышляю
И маршруты коплю про запас.
Но ресниц твоих черные шпаги
Конвоиров имеют талант.
Ты мой лагерь, дружок, ты мой лагерь,
Ты мой лагерь, я твой арестант.

То довольна ты, то недовольна,
То ты памятник, то карусель.
Знать, в тебе поселился привольно
Разножанровый месяц апрель.
С кем сравню я тебя, угадай-ка!
Хочешь правду? Так правду узнай:
Ты мой зайка, дружок, ты мой зайка,
Ты мой зайка, я дед твой Мазай.

ДАВАЙ С ТОБОЮ ВСТРЕТИМСЯ, 1973 г.

Давай с тобою встретимся,
Когда звезда засветится
И сквозь листву заблещут фонари.
В порядке обсуждения
Есть предложение:
Пройти по нашей улице, поговорить.

Я пригласил заранее
Тебя на совещание,
Чтоб впредь ты не опаздывала вновь.
По нашим отношениям
Прими решение,
Ведь на повестке дня стоит моя любовь.

Ну правда, шутки в сторону,
Давай поделим поровну
Мы нашу жизнь - и радость и беду.
Давно людьми замечено,
Что впору вместе нам -
Косыночка и кепочка вдвоем идут.

Рассвет воды касается...
Не уходи, красавица,
Весь город Горький виден нам с реки.
Идем тропой высокою,
Немножко окая,
С автозавода оба - словом, земляки.

Скользим над тротуарами
Единственной парой мы,
И с нами кружит каждая звезда.
Рождает то кружение
Рацпредложение:
Давай уж не расстанемся мы никогда.

ЗВЕЗДНЫЙ ВАЛЬС, 1973 г.

Снова разлука к нам на порог.
Если взгрустнешь порой,
В небе потом найди огонек -
Наш заветный пароль.

Помни всегда в далеких краях:
Наша любовь чиста.
Пусть тебе светит словно маяк
Синяя высота.

Если гроза придет, как беда, -
Этой не верь беде:
Знай - над тучей блещет всегда
Небо наших надежд.

Там звезды вечные,
Как алмазные блещут города,
И светит там наша любовь веселая,
Звездочка-звезда.

ИМЕЮТСЯ СВОБОДНЫЕ ТАКСИ, 1973 г.

Ах, знаете вы тот аэропорт,
Где толпы пассажиров многотонны,
Где самолеты кружатся толпой
Над полосой горячего бетона?
Небрит, несовершенен, но красив
Я слушал там, как приглашение к старту:
"Имеются свободные такси
В Алупку, Феодосию и в Ялту".

Увы, но я там был случайный гость,
Не для меня маршруты эти были:
Меня ждала страна сплошных снегов -

Суровые арктические мили.
И там, где ветер айсберги носил,
Я говорил: "Не вешать нос, ребята:
Имеются свободные такси
В Алупку, Феодосию и в Ялту".

Забросила судьба туда меня
Через одно создание дорогое,
Которое решило поменять
Одно, как говорится, на другое.
И, до конца ее не расспросив,
Я ей сказал чуть-чуть холодновато:
"Имеются свободные такси
В Алупку, Феодосию и в Ялту".

Вот так живу за тридевять земель,
Курю табак на баке пакетбота.
Язычник, поклоняюсь я зиме,
Помноженной на тяжкую работу.
Когда-нибудь и я паду без сил
На той земле, что праздностью объята.
Имеются свободные такси
В Алупку, Феодосию и в Ялту.

МИЛАЯ МОЯ, 1973 г.

Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены,
Тих и печален ручей у янтарной сосны,
Пеплом несмелым подернулись угли костра,
Вот и окончилось все - расставаться пора.

Припев: Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях
Встретишься со мною?

Крылья сложили палатки - их кончен полет,
Крылья расправил искатель разлук - самолет,
И потихонечку пятится трап от крыла,
Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Припев.

Не утешайте меня, мне слова не нужны,
Мне б отыскать тот ручей у янтарной сосны,

Вдруг сквозь туман там алеет кусочек огня,
Вдруг у огня ожидают, представьте, меня!

Припев.

МНЕ ТВЕРДЯТ, 1973 г.

Мне твердят, что скоро ты любовь найдешь
И узнаешь с первого же взгляда.
Мне бы только знать, что где-то ты живешь,
И клянусь, мне большего не надо.

Снова в синем небе журавли трубят.
Я брожу по краскам листопада.
Мне б хотя бы мельком повидать тебя,
И клянусь, мне большего не надо.

Дай мне руку, слово для меня скажи,
Ты моя тревога и награда.
Мне б хотя бы раз прожить с тобой всю жизнь,
И клянусь, мне большего не надо.

НОВЫЙ ГОД, 1973 г.

Вот вам и Новый год.
Мы обещали вам,
Что он опять придет,
Отрастет как трава.
Нет никаких причин
Песню ему не спеть:
Год наступающий,
Год обещающий,
Верим мы в твой успех.

Вот, мужики, дела -
Слышен нам шум весны:
Это любовь пришла
В званье родной жены.
Милая ты моя!
Мой дорогой маяк!
В волнах качается,
Вдаль пробивается
Лодка, где ты и я.

Здравствуй, наш Новый год,
Маленький наш итог,
Год дорогих забот,
Год молодых дорог.
Не обдели теплом -
Не обнесем вином.
Горы высокие,
Дали далекие
Положи под нашим окном.

С Новым годом, с новым счастьем!
Значит, тост поднимем вновь
Мы за новые удачи
И за старую любовь

НОЧНАЯ ДОРОГА, 1973 г.

Нет мудрее и прекрасней средства от тревог,
Чем ночная песня шин.
Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог
Штопаем ранения души.

Словно чья-то сигарета - стоп-сигнал в ночах:
Кто-то тоже держит путь.
Незнакомец, незнакомка, здравствуй и прощай, -
Можно только фарами мигнуть.

То повиснет над мотором ранняя звезда,
То на стекла брызнет дождь.
За спиною остаются два твоих следа,
Значит, не бесследно ты живешь.

В два конца идет дорога, но себе не лги, -
Нам в обратный путь нельзя.
Слава Богу, мой дружище, есть у нас враги,
Значит, есть, наверно, и друзья.

Не верь разлукам, старина, их круг -
Лишь сон, ей-богу.
Придут другие времена, мой друг,
Ты верь в дорогу.
Нет дороге окончанья, есть зато ее итог:
Дороги трудны, но хуже без дорог.

Надеюсь видеть вас счастливыми, 1973 г.

Надеюсь видеть вас счастливыми,
Не юной красотой красивыми,
На шумных встречах - молчаливыми,
С детьми - талантливо-игривыми.
Надеюсь, ваши приключения,
Пожары ваши и метелицы
Не привели вас к заключению,
Что ничего уж не изменится.

Надеюсь видеть вас, счищающих
Тугую грязь с сапог поношенных,
Крамольным глазом возмущающих
Ханжей и критиков непрошенных.
Надеюсь, дети ваши здравствуют
И шествуют тропой отважною,
Растут ужасные, лобастые
И замышляют нечто важное.

Надеюсь видеть вас спокойными
Перед болезнями и войнами,
Перед годами и разлуками,
Перед сомнениями и муками.
Надеюсь, что листы падучие
Не означают нам предснежия,
А просто сорваны по случаю
Грозою летнею и свежею.

ПЕРВЫЙ СНЕГ, 1973 г.

Всей семьей, конечно, не иначе,
Посреди недели занятой
Мы смотрели вместе передачу
Под таким названьем: "Артлото".
Все в ней дружно пели и плясали,
Словно час нагрянул торжества.
Были очень крупные детали,
Были очень легкие слова.

Мы смотрели телевизор,
А за окнами шел снег.

А когда погасла наша рама,

Мы рванулись к стеклам: Боже мой! -
Начиналась осенью программа,
А закончилась уже зимой.
Все, конечно, хором загалдели:
Снег лежал, как пуховой платок.
Видно, мы чего-то проглядели,
Проглядев программу "Артлото".

На фонарь шел снег и на дорогу,
Был предельно чист он и суров,
Будто шло послание от Бога,
Передача с неземных миров.
Там велись великие беседы,
Подводя неведомый итог,
Там никто, пожалуй, и не ведал
О каком-то нашем "Артлото".

Был бы здесь какой-нибудь провидец,
Он сказал бы: "Бросьте ерунду, -
Первый снег нам предстоит увидеть
Календарно в будущем году".
Только будет ли нам та удача?
Будет год ли, будет ли ясней?
Повторят ли снова передачу
Под таким названьем: "Первый снег"?

Мы смотрели телевизор,
А за окнами шел снег...

ПЕСЕНКА О ЛЮБВИ, 1973 г.

Не греет любовь и не светит
Сквозь времени круговорот.
Любовь не живет на планете,
А тачку с планетой везет.

В пути ни конца, ни начала -
Как будто бы замкнутый круг,
Но вроде любовь обещала
Не выпустить тачку из рук.

Ах где вы, помощники, где вы?
Одной трудно ношу нести.
Лишь Вера с Надеждой - две девы
Любви помогают в пути.

И жду я всю ночь до рассвета,
Всю ночь не гашу я огня:
Уж раз ты везешь всю планету,
Возьми заодно и меня.

ПРАВИЛА ДВИЖЕНИЯ, 1973 г.

Вот страшная картина:
По городу идет
Опасная машина
С названьем "пешеход".
Но строго направляет
Потоки непосед
Красный, желтый
И зеленый свет.

И в море, и на суше,
И в небе наш полет.
Инспекции послушно,
Движение идет.
По-видимому, вскоре
Зажжется среди планет
Красный, желтый
И зеленый свет.

Права для пешеходов -
Права на переход,
Чтоб мимо переходов
Не шлялся пешеход.
Таблицу умноженья
Мы знаем с детских лет:
Красный, желтый
И зеленый свет.

Век движенья занятых людей -
Как сложенье многих скоростей.
Если ж не торопишься идешь -
Всю вселенную пройдешь.
Будь внимателен в пути!

ТАНЕЧКА НИКИТИНА, 1973 г.

В переулке бродит кот,

Словно привидение.
Вижу - девочка идет,
Просто заглядение.

Как зовут тебя, послушай,
Краля окаянная?
Таня, Танечка, Танюша,
Танечка Никитина.

Сохну, сохну я без сна,
Как цветок в асфальте:
Слышал, как поет она
"Музыку Вивальди".

Приобрел, как видно, я
Профиль простофили,
Так как девочка моя -
Видный биофизик.

Я прерву свое житье,
Утоплюсь, ей-богу,
Ведь дружочек у нее -
Гармонист Серега.

Как зовут тебя, послушай,
Краля окаянная?
Таня, Танечка, Танюша,
Танечка Никитина.

ТАМ, ГДЕ ПЕЛ ДЛЯ НАС ПРИБОЙ, 1973 г.

Там, где пел для нас прибой,
Я иду теперь с другой.
Солнце на ее плечах,
Чайки в синеве кричат.
А я, представь себе, молчу,
Ключи какие-то кручу...
Зачем поехал я на юг
Память ворошить свою?

Вот пустует скамья,
Где сидели ты и я.
Мне другая говорит:
Что случилось? Что болит?
Да так, я говорю, пустяк, -

Мотив не вспомню я никак,
Мотив, который я любил,
Помнил, а теперь забыл...

Я НЕ РАНЕН, 1973 г.

Ты твердишь, что эта рана -
Не смертельный эпизод,
Что болит - оно не странно,
Все в итоге заживет.
Ну, а я-то полагаю,
Что меня всерьез знобит.
Дорогая, дорогая,
Я не ранен, я - убит.

Посреди степного снега
Я лежу, и стынет кровь,
И стрелою печенег
В сердце воткнута любовь.
Ветер кудрями играет,
Сиротливо конь стоит...
Дорогая, дорогая,
Я не ранен, я - убит.

Ты словам моим внимаешь,
Улыбаешься едва,
Ты едва ли понимаешь
Эти самые слова.
Ты наивно предлагаешь
Мне лекарства от обид...
Дорогая, дорогая,
Я не ранен, я - убит.

ДО СВИДАНИЯ, 1974 г.

До свиданья, дорогой мой, до свиданья!
К сожаленью, нам с тобой не по пути.
Расставанье переходит в расстояние.
До свиданья, дорогой мой, не грусти.

Поезд наш летел и к радости, и к мукам,
Только мне придется с поезда сойти,
И на станции с названием "Разлука" -
До свиданья, дорогой мой, не грусти.

Нас короткая любовь с тобой венчала.
Если было что не так - меня прости.
Только жизнь не повторяется сначала.
До свиданья, дорогой мой, не грусти.

Верю я, что будет все у нас, как прежде,
Лишь дорогу нужно долгую пройти,
И до станции с названием "Надежда" -
До свиданья, дорогой мой, не грусти!

Если ты уйдешь, 1974 г.

Если ты уйдешь,
Станет мне темно,
Словно день ты взял,
Словно ночь пришла под мое окно,
Не горящая ни одной звездой.
Словно птицы все улетели прочь,
И осталась мне только ночь да ночь,
Если ты уйдешь...

Если ты уйдешь,
Как мне дальше жить,
Вечерами мне ожидать кого?
И ночной огонь для кого сложить?
И куда мне плыть среди бурных волн?
И куда девать дней своих запас?
И с какой звезды не сводить мне глаз?
Если ты уйдешь...

Если ты уйдешь,
Опустеет сад,
Опустеет мир, опустеет дом,
Холода пойдут по пустым лесам,
Реки спрячутся под тяжелым льдом.
И в пустой ночи - тьма без берегов,
Половицы скрип - тень твоих шагов...
Если ты уйдешь...

Но лишь с тобой я жизнью полна,
Как парус - мечтой, как светом - весна.
Босые дожди, как дети, пройдут,

И встанут цветы в моем саду.
О, подари мне жизнь свою!
Скажи мне только - я люблю!

НАСЛЕДНИКИ ЭПОХ, 1974 г.

Кожаная кепка,
Маузер в руке,
И положен крепко
Палец на курке.
Ожидание боя,
Холодок в груди,
Только нам с тобою
Надо победить.

Наследники эпох -
Худые комиссары
По высохшее земле
Проходят как дожди,
И синие глаза
Пылают как пожары,
И красная звезда
Сияет впереди.

Мама, не печалься,
Не держи коня,
Только лишь с победой
Ожидай меня.
По дороге вьюжной
Надо мне пройти,
Если очень нужно -
Вслед перекрести.

Ехать нам по свету,
Ехать, песни петь,
Если хлеба нету -
Можно потерпеть.
Нет воды проточной -
Тоже не тужи,
Но без песни - точно
Нам уж не прожить.

Наследники эпох -
Худые комиссары
По высохшей земле

Проходят как дожди,
И синие глаза
Пылают как пожары,
И красная звезда
Сияет впереди.

Не сотвори себе кумира, 1974 г.

Не сотвори себе кумира
Из невеликих мелочей -
Из обстановки и квартиры,
Из посещения врачей,
Из воскресенья и субботы,
Из размышлений о судьбе.
В конце концов, не в наши годы
Унынье позволять себе.

Не сотвори себе кумира,
Ведя житейские бои,
Из неизбежных и унылых
Подсчетов прибылей своих.
И может, ты прошел полмира
В исканьях счастья своего -
Не сотвори себе кумира
Ни из себя, ни из него.

Не сотвори себе кумира
Из памяти своей земли,
Из тех бойцов и командиров,
Что до победы не дошли.
Из истин - выбери простые,
Что не подвластны временам,
И сотвори себе Россию,
Как сотворила нас она!

ОГОНЬ В НОЧИ, 1974 г.

В простых вещах покой ищи.
Пускай тебе приснится
Окно в ночи, огонь в печи
И милая девица.

И чтоб свечой голубой
Плыла бы ночь большая,

Свою судьбу с другой судьбой
В ночи перемешаем.

Когда-то радовавший нас,
Забудем груз регалий.
Сожжем былые времена,
Как нас они сжигали.

И будто пара лебедей,
Друг друга полюбивших,
Простим простивших нас людей,
Простим и непростивших.

Вот вам от полночи ключи,
Пускай тебе приснится
Окно в ночи, огонь в печи
И милая девица.

ПЕРВЫЙ ТРАМВАЙ, 1974 г.

Над городом, над липами белесыми
Стоит мороз, пуская синеву.
С мохнатыми от инея колесами
Трамваи отправляются в Москву.

Ведь каждый день связать им нужно заново
Провинций отдаленные моря:
В Черемушках, Черкизово, Чертаново
"Давай поедem в город" - говорят.

Сиреневый рассвет на крышах ежится,
И рельсы поворотные визжат,
И пальцами протопленные рожицы
На ледяных окошечках дрожат.

Снега над нашим городом посеяны,
Мороз стекает с купола Земли,
Как будто шел по северу рассеянный
И крынку с белым холодом пролил.

Да здравствуют московские трамвайщики -
Рассветных судеб временный причал,
Будильников вернейшие товарищи,
Товарищи встающих по ночам!

С потертыми билетами сезонными
Плывем мы в океан большого дня,
И воротник пальто демисезонного
Как флаг зимы на кораблях поднят.

Пока в Москве немногие увидели
Сегодняшнего утра первый свет,
Привет вам, обитатели обители,
Катящейся по утренней Москве!

ТВОЯ ДОРОГА, 1975 г.

Собирайся в путь-дорогу,
Дорога длинна,
От родного порога
Начнется она.
Через горы, через ветры
Дорога лежит,
И бегут те километры
Под названьем "жизнь".

Дальние дали
Туманы таят,
Дальние дали -
Дорога твоя.

Хороши ли или плохи
Дороги тех дней -
Это дни твоей эпохи
И жизни твоей.
Ты не трать время даром,
Пройди этот путь,
В сложном мире, мире старом
Человеком будь.

Забери с собой в дорогу
О счастье мечту
И людей суди не строго -
Цени доброту.
Лезь тропой непроходимой,
Смотри с высоты.
Знай - земле твоей родимой
Очень нужен ты.

ТОВАРИЩ ЖЕНЩИНА, 1975 г.

О женщина, начало всех начал,
О песня колыбельная над миром!
Какие ни рождались бы кумиры,
Их дальний путь венчает твой причал.

По улице ночной твои шаги
Звучат, как эхо позднего свиданья.
Твои шаги волнуют мирозданье,
И между звезд расходятся круги.

Ах сколько б мы ни плыли за моря,
Верша вокруг земли свои вращения,
Есть в нашем сердце компас возвращенья,
Товарищ мой, любимая моя!

И солнце - это ты,
И ты - мои мечты.
Растут цветы -
Они тебе обещаны.
И выше имени твоего
Нет в мире ничего,
Сударыня, богиня,
Товарищ женщина

ЧЕЛОВЕК, 1975 г.

Как хорошо,
Что земля большая.
Дождик прошел,
В небе синь густая.
Пролетел самолет,
Белый след оставил.
Нам бы тоже в полет
За своей мечтой.

Как хорошо
Жить на белом свете
Так, чтоб нашел
Паруса твой ветер.
Человек как стишок:
Может стать поэмой.

До чего ж хорошо
Человеком быть!

Как хорошо
Быть зимой и летом,
Как хорошо
Быть зарей над лесом,
Быть рекой небольшой,
Быть большой землею.
До чего ж хорошо
Человеком быть!

В путь нам пора, -
Побывать бы всюду
И у костра
Вдруг поверить в чудо,
Переплыть сотни рек,
Сочинить сто песен...
Вот идет человек
По своей земле.

ХОДИКИ, 1977 г.

Когда в мой дом любимая вошла,
В нем книги лишь в углу лежали валом.
Любимая сказала: "Это мало.
Нам нужен дом". Любовь у нас была.
И мы пошли со старым рюкзаком,
Чтоб совершить покупки коренные.
И мы купили ходики стенные,
И чайник мы купили со свистком.

Потом пришли иные рубежи,
Мы обрастали разными вещами,
Которые украсить обещали
И без того украшенную жизнь.
Снега летели, письмами шурша,
Ложились письма на мои палатки,
Что дома, слава Богу, все в порядке,
Лишь ходики немножечко спешат.

С любимой мы прожили сотню лет,
Да что я говорю - прожили двести,
И показалось мне, что в новом месте

Горит поярче предвечерний свет,
И говорятся тихие слова,
Которые не сказывались, право,
Поэтому, не мудрствуя лукаво,
Пора спешить туда, где синева.

С тех пор я много берегов сменил.
В своей стране и в отдаленных странах
Я вспоминал с навязчивостью странной,
Как часто эти ходики чинил.
Под ними чай другой мужчина пьет,
И те часы ни в чем не виноваты,
Они всего единожды женаты,
Но, как хозяин их, спешат вперед.

Ах, лучше нет огня, который не потухнет,
И лучше дома нет, чем собственный твой дом,
Где ходики стучат старательно на кухне,
Где милая моя и чайник со свистком.

НЕПОГОДА В ГОРАХ, 1978 г.

Свечка темно горит,
Дождик в окно стучит,
Лето - сплошной обман,
В соснах висит туман.

Врут все мои друзья,
Что, мол, придет рассвет,
Что, дескать, есть края,
Где непогоды нет.

И не пробьет тех туч
Солнца густая кровь,
Их лишь разгонит луч,
Луч тот - твоя любовь.

Непогода в горах, непогода!
В эту смену с погодой прокол,
Будто плачет о ком-то природа
В нашем лагере "Узункол".
Нам-то что? Мы в тепле и в уюте
И весь вечер гоняем чай.
Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,

Завтра в лагерь спуститься б смогли.

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЙ ВАЛЬС, 1978 г.

В это утро шел снег.
Этой осенью шел он однажды,
Но - растаял... Теперь
Электрички несутся в снегу.
Этой ночью был сон,
Сон, по-моему, вещий и важный.
Мы уходим гулять,
Этот сон вспомнить я не могу.

А кто-то кружит, кружит над нами
И требует посадки,
Но ему-то помогут,
А нам-то как быть?
Что забыть, что любить?
В даль какую бежать без оглядки
Меж сугробов сомнений
По льдистой тропинке любви?

Переделкино спит
После скучных субботних веселий
И не знает еще,
Что настала уж зимняя жизнь.
Мы неспешно идем,
Мы справляем любви новоселье,
И нетоптанный снег
Удивительно кстати лежит.

Ах, какая зима
Опустилась в то утро на плечи
Золотым куполам,
Под которыми свет мы нашли.
И не гаснет огонь,
И возносятся сосны, как свечи,
И Борис Леонидыч
Как будто бы рядом стоит.

А кто-то кружит, кружит над нами
И требует посадки,
Но ему-то помогут,
А нам-то как быть?
Что забыть, что любить?
В даль какую бежать без оглядки
Меж сугробов сомнений
По льдистой тропинке любви?

РАССКАЗ ЖЕНЩИНЫ, 1978 г.

Он за мною, видно, шел,
Взял за локоть: "Слушай, Люся,
Будет очень хорошо,
Я живу в отдельном люксе".
У него усы густы
И глаза, как две букашки,
И виднеются кусты
Из-за ворота рубашки.
Я не Люся, - говорю, -
А зовут меня Тамара,
И такого не терплю,
И такие мне не пара...

Десять лет варила суп,
Десять лет белье стирала,
Десять лет в очередях
Колбасу я доставала,
Десять лет учила я
Сверхсекретное чего-то,
Десять лет сидела я
У окошка на работе,
Сердце стачивая в кровь,
Десять лет дите растила -
Что ж осталось на любовь?
Полтора годка от силы.

Не смутился он ничуть,
Только глазом гладит платье:
"Я за вечер заплачу,
Сколько за год тебе платят".
Я играла в мяч ручной

За спортивные награды,
И была я центральной,
И бросочек был - что надо.
Я авосечку-суму
Из руки переложила,
Кавалеру своему
Меж букашек засветила!

Мне до "Щелковской" метро,
А от "Щелковской" - автобус,
А в авоське шесть кило
Овощных консервов "Глобус".
Открываю тихо дверь -
Дочка долбит фортепьяно,
Ну, а мой любимый зверь -
Он лежит, конечно, пьяный.
Снять ботиночки с него
Не тревожа постаралась,
От полочки от его
Трешка мятая осталась.

На плите чайек стоит,
Дочка сладко засыпает,
За окном моим ГАИ
Громко частников ругает.
Глянешь в телик - дым и чад:
Поколение молодое -
Все с гитарами, кричат,
Как перед большой бедою.
Убрала я со стола,
Своего пригрела Пашку...
Все же мало я дала
Тому гаду меж букашек.

ЦЫГАНОЧКА, 1978 г.

Я на рельсы выхожу,
На страну свою гляжу:
Где ж за гранью снежных зим
Есть открытый магазин?

Денег нету ни хрена,
Нет ни пива, ни вина,
Ни бутылочки пустой,
Ни кровати на постой.

Вижу полдень, вижу день,
Вижу судьбы всех людей,
В запыленное окно
Вижу длинное кино.

Вот мелькают города -
Ярославль, Вологда.
Вот мелькают наши дни,
Как далекие огни.

Где же ждет меня жена,
Одинока и бледна?
Где ж найти такую грудь,
Чтоб в тени ее вздремнуть?

Омск, Томск, Москва, Чита, Челябинск.
Омск, Томск, Москва, Чита, Челябинск.

АЛЕКСАНДРА, 1979 г.

Не сразу все устроилось,
Москва не сразу строилась,
Москва слезам не верила,
А верила любви.
Снегами запорошена,
Листою заморожена,
Найдет тепло прохожему,
А деревцу - земли.

Александра, Александра,
Этот город - наш с тобою,
Стали мы его судьбою -
Ты взглядишь в его лицо.
Что бы ни было вначале,
Утолит он все печали.
Вот и стало обручальным
Нам садовое кольцо!

Москву рябины красили,
Дубы стояли князями,
Но не они, а ясени
Без спросу выросли.
Москва не зря надеется,
Что вся в листву оденется,

Москва найдет для деревца
Хоть краешек земли.

Александра, Александра,
Что там вьется перед нами?
Это ясень семенами
Кружит вальс над мостовой.
Ясень с видом деревенским
Приобщился к вальсам венским.
Он пробьется, Александра,
Он надышится Москвой.

Москва тревог не прятала,
Москва видала всякое,
Но беды все и горести
Склонялись перед ней.
Любовь Москвы не быстрая,
Но верная и чистая,
Поскольку материнская
Любовь других сильнее.

Александра, Александра,
Этот город наш с тобою,
Стали мы его судьбою -
Ты взглядишь в его лицо.
Чтобы ни было вначале,
Утолит он все печали.
Вот и стало обручальным
Нам садовое кольцо!

Когда Нинон была мала, 1980 г.

Когда Нинон была мала,
Ей мама как-то изрекла
Совет, весьма полезный для судьбы:
"Тебе замужество к лицу,
Но не спеши бежать к венцу, -
Пускай скотина ходит вокруг избы".

И описать не в состоянии перо
Твое великолепье и добро!
Глава семьи, замечу вновь,

Не я, не ты и не свекровь -
Главой семьи является любовь!

Ходило множество скотин
Вокруг прекраснейшей из Нин,
Лишь я не появлялся в доме том.
Я жизнь изведаль хорошо,
Огонь и воду я прошел,
И вот сюрприз - попался на простом.

Моя семья - твоя семья,
Мои друзья - твои друзья,
У нас в стране муж и жена равны.
Как хорошо, что мы с тобой
Не встретились порой молодой,
Поскольку были б щас разведены.

Итак, я подвожу итог:
Все хорошо, что было в срок,
И хорошо бы это не забыть.
Но лишь такая есть печаль:
Ужасно хочется мычать,
Поскольку ходишь сам вокруг избы.

Поведаю вам таинство одно, 1980 г.

Поведаю вам таинство одно:
Уж сколько раз на свете исчезали
Империи, религии, регальи
И уходили города на дно,

Но сквозь пожары, бедствия и кровь,
Одну и ту ж свершая пантомиму,
И для времен совсем неуязвима
Шла девочка по имени Любовь.

Идет Любовь. Звучат ее шаги,
Как эхо долгожданного свиданья,
Ее шаги волнуют мирозданье,
И между звезд расходятся круги.

Пред ней равны рабы и господа.
Ей нипочем яд лести или злости.
Когда она хоть раз приходит в гости,
В наш дом приходит счастье навсегда.

ДЕНЬГИ, 1982 г.

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы "Л",
Заканчиваясь мягким знаком.

О жгучий взгляд из-под бровей!
Листанье сборника кровей!
Что было содержанием дней,
То стало приложением вроде.
Вот новоявленный Моцарт,
Сродни менялам и купцам,
Забыв про двор, где ждут сердца,
К двору монетному подходит.

Все на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось:
В цене все то, что удалось,
И спрос не сходит на интриги.
Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги.

Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Свое святое естество
Сберег в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,
Что начиналось с буквы "Л",
Заканчиваясь мягким знаком.

УКУШЕННЫЙ, 1982 г.

Ах, жертва я доверия,
Беды своей родитель!
Вот слышу из-за двери я:
"Укушенный, войдите!"

Вошел: "Мое почтение".
Разделся не спеша.
"Где место укушения?"
Я говорю: "Душа".

Тут в кабинете бывшие
Мне душу теребят:
"Скажите, укусившая
Какая из себя?"

Я говорю: "Обычная,
И рост не с бугая.
Такая симпатичная,
Не думал, что змея".

Тут на меня обрушились,
Ругают все кругом:
"Какой же вы, укушенный,
Дурак, мол, дураком!"

Известно ведь заранее,
Что есть разрыв большой
Меж внутренним содержанием
И внешней красотой.

И сблизилась излишне вы,
Поверив той красе.
Змея кусает ближнего, -
Об этом знают все".

"Не имеет, - говорю, - значения
Теперь уж ничего.
Какое б мне лечение?
Таблетки иль чего?"
Мне говорит: "Послушайте, -
Одна из этих дам, -
Я дам совет, укушенный:
Не верьте вы людям.

Вот, скажем, к вам приблизились
С любовью, как туман.
А вы твердите мысленно:
Обман, кругом обман!"

"Нет, - говорю, - красавица,
Без веры не пойдет:
Уж лучше пусть кусаются, -
Само потом пройдет".

Я вышел в ночь столичную
С огнями по краям...
Такая симпатичная!
Не думал, что змея.

РАДУГА, 1983 г.

- Смотри-ка, моя дорогая, к нам радуга в гости!
Какие законы Ньютона - лучей преломленье!
- Ах, глупенький, радуга - это ведь временный мостик
От неба до поля, от вечности и до мгновенья.
- Смотри-ка, моя дорогая, вот веточка мая!
- Ах, глупенький, это привет от далеких созвездий.
- Какая ж ты умная, право, моя дорогая...
- Конечно, мой милый, ведь в небо смотреть интересней.

- Но хлеб-то, моя дорогая, рождается в поле!
Смотри-ка, засеяно поле пшеницей озимой.
- А небо засеяно звездами, глупенький Коля...
Ах, что-то сегодня с тобою мы несовместимы.
- Ну как же на небе нам жить без крылечка и хлеба?
Пристроимся где-нибудь здесь в ожидании чуда.
- Согласна, но будем поглядывать в синее небо,
Поскольку уж если придут чудеса, то оттуда.

То листья, то вести, то снег, то весна,
То блески надежд на цветных парашютах.
Разломанным яблоком всходит луна,
По сходням на берег стекают минуты,
Как капли времен без границ и без дна...